

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛІОГРАФІА.

„Чтеніе для Солдатъ“ 1866. Книжки 1-я, 2-я и 3-я.—„Солдатская Бесѣда“ 1866. Книжки 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я. — La commission sanitaire des États-Unis. Соч. Томаса У. Ивенса. 1865.

Чтеніе для Солдатъ 1866. Книжки 1-я, 2-я и 3-я.

Солдатская Бесѣда 1866. Книжки 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я.

Лѣтъ двадцать-пять назадъ впервые стали появляться въ войскахъ книжки, грамотно-написанныя для солдатъ; безъ всякой опредѣленной цѣли онѣ *допускались* какъ роскошь или какъ забава и служили развлеченіемъ очень небольшому числу читателей—писарей и случайныхъ строевыхъ грамотѣевъ. Такъ, напримѣръ, „Солдатскіе досуги“, „Были и небылицы“ Скобелева и Казака Луганскаго (Даля), написанныя языкомъ болѣе-менѣе понятнымъ народу, пользовались широкой извѣстностію въ образованномъ обществѣ, а въ казармы и вообще въ солдатскій кругъ проникали только случайно и тамъ все-таки не выдерживали соперничества лубочныхъ изданій: „Бовы Королевича“, „Еруслана Лазаревича“, „Францыла Венеціана“ и тому подобныхъ произведеній полудикой фантазіи.

Въ 1847 году появилось періодическое изданіе „Чтеніе для Солдатъ“, и въ первый разъ роты, эскадроны и разныя части войскъ стали получать регулярно книги, предназначенныя исключительно солдатамъ. Успѣхъ и этого спеціального изданія былъ очень неблестящъ: съ одной стороны — отсутствіе дѣй-

ствительной потребности въ книгахъ, по весьма ограниченному числу грамотныхъ людей, съ другой — не совсѣмъ удачное исполненіе редакціей новаго дѣла, не подвигали его впередъ. Оно держалось только обязательной подпиской.

Послѣ крымской войны, въ числѣ многихъ впервые затронутыхъ вопросовъ, вопросъ о личномъ развитіи солдата привелъ къ сознанию необходимости обучать войско грамотѣ, и затѣмъ въ войскахъ стали учреждаться полковые и батарейныя школы. Съ этого времени, т. е. съ 1857 по 1858 годъ, начали обнаруживаться дѣйствительная надобность и недостатокъ въ народныхъ книгахъ, особенно въ книгахъ понятныхъ и завлекательныхъ для солдатъ.

Наконецъ военное начальство нашло полезнымъ основать такое періодическое изданіе, которое бы заохотило солдатъ къ чтенію и обученію грамотѣ: съ этой цѣлю въ 1858 году явилась „Солдатская Бесѣда“. Она была принята съ общимъ сочувствіемъ и редактировалась удовлетворительно.

Съ того времени войско имѣетъ уже два журнала, предназначенные солдатамъ — все, что надо пока для возбужденія соревнованія, составляющаго одну изъ пружинъ успѣха.

Достоинства и недостатки этихъ журналовъ были періодически оцѣниваемы „Военнымъ Сборникомъ“. Характеръ оцѣнки этой обусловливался, разумѣется, не столько литературнымъ значеніемъ ихъ, сколько современною потребностію войска: отъ книжекъ, предназначенныхъ для чтенія только что начинающимъ учиться солдатамъ, требовалось прежде всего занимательности, возбуждающей любопытство и заочиняющей къ дѣлу. Не упускались, конечно, изъ виду направленіе и духъ изданій, какъ условіе основное, ни въ какомъ случаѣ неизмѣнное.

Первая задача подобныхъ органовъ развитія несложна; но правильность выполненія ея очень важна, потому что она закладываетъ основаніе широкому дѣлу: она составляетъ первый шагъ и, слѣдовательно, даетъ сознательное направленіе всему пути развитія.

Въ массѣ, воспитанной закоснѣлыми привычками и живымъ всеневнымъ словомъ, воображеніе которой, развитое изустными преданіями и сказкой, не привыкло сосредоточиваться на правильномъ книжномъ разсказѣ, прежде всего надо было не только направить вниманіе къ этому правильному разсказу,

но и ~~мизантропическое~~ воображеніе изъ міра чудесъ въ обычный міръ простой солдатской жизни. Это не достигается сухими дидактическими приёмами: надо было оповѣстивать ежедневную жизнь и черезъ призму искусства показать тѣ ея лучшія стороны, которыя заслонялись однообразнымъ постояннымъ трудомъ и лишеніями; въ самыхъ невыгодахъ и лишеніяхъ этой жизни надлежало указать высокое достоинство ея, разумеется не вымышляя ни лучшихъ сторонъ, ни достоинствъ, но уясняя существующія и направляя къ нимъ вниманіе. Словомъ, надо было заставить читать и слушать, вмѣсто сказокъ и богатырей, простую повѣсть о жизни и человѣкѣ. Этотъ первый приемъ или необходимая подготовка къ развитію и была болѣе-менѣе удачно выполнена солдатскими журналами.

Становясь въ новое положеніе и исподоволь овлаждая новымъ взглядомъ на свой же дѣйствительный бытъ, человѣкъ — и точно также „масса“ общества людей — понемногу усваиваетъ уже сознательное воззрѣніе на весь окружающій его міръ, и воззрѣніе это становится преемственнымъ въ обществѣ. Оно и есть средство дальнѣйшаго развитія; а успѣхъ и направленіе этого развитія зависятъ уже отъ руководящихъ имъ силъ.

Такъ какъ въ числѣ орудій этихъ силъ непоследнее мѣсто занимаетъ литература, то задача ея постепенно усложняется, становится труднѣе и почтеннѣе именно въ той мѣрѣ, въ какой руководящая сила, т. е. правительство, рядомъ послѣдовательныхъ частныхъ измѣненій и наконецъ коренными реформами, ведетъ народъ и войска впередъ по пути совершенствованія. Гармоническое, согласное дѣйствіе литературы съ цѣлями руководящей силы составляетъ ея обязанность, а искусство и успѣхъ этого дѣйствія — заслугу.

Прежде, нежели приступимъ къ оцѣнкѣ исполненія обязанности и заслугъ нашей солдатской литературы, скажемъ нѣсколько словъ, опредѣляющихъ *настоящія* потребности солдатъ и отношенія ихъ къ литературѣ, т. е. къ книгѣ.

Подготовленный общимъ сознаниемъ своей среды, какъ сказано выше, солдатъ, еще не умѣя читать, уже понимаетъ пользу грамотности, а по меньшей мѣрѣ вѣрить ей и чувствуетъ уваженіе къ книгѣ, которая научить его уму-разуму. Довѣренность его къ этому авторитету такъ сильна, что только очевидная бездарность, неумѣнье или небрежность автора раз-

очаруютъ его, правда не скоро, не сразу, но за то разочаруютъ основательно: изъ ученика онъ становится понемногу безпощаднымъ, и рѣдко несправедливымъ, хоть и грубымъ, критикомъ, и платитъ автору за его неспособность рѣзкимъ неуваженіемъ его книги. Впрочемъ, это еще счастливѣйшій и болѣе исключительный исходъ неудачи: она заставляетъ солдата искать лучшей книги, которая наконецъ удовлетворитъ его; чаще же всего бываетъ гораздо хуже: исподоволь вчитываясь въ свою книгу, нетвердый грамотѣй не замѣчаетъ бездарности, съ которой она написана, довольствуется впечатлѣніями, какія она производитъ на него, и даже если это и скука, то, совѣстясь и не рискуя признаться въ ней, машинально дѣлаетъ свое дѣло.

Самое обыкновенное и самое невинное послѣдствіе такого занятія—отупленіе, которое нерѣдко ведетъ за собой извращеніе понятій и соотвѣтственное такому умственному состоянію качество — безнравственность. „Нѣтъ несноснѣе человѣка, который прочелъ одну только книгу“ (сказалъ, кажется, Вольтеръ); можетъ быть, еще несноснѣе тотъ, который не прочелъ ни одной хорошей. Солдатъ читаетъ мало, пріобрѣтаетъ книгъ еще меньше и въ особенности дорожитъ „своею“: онъ ее изучаетъ. Это и будетъ та книга, которая дѣлаетъ человѣка несноснымъ. Каково же, если эта одна книга ему попадется плохая? Плохая книга — медленный, но непремѣнно дѣйствительный ядъ; если мы, читающіе несмѣтное количество—и преимущественно плохихъ—книгъ, не отравляемся, то только потому, что, какъ древній царь Митридатъ, мы отъ юныхъ дней отравлены постепенно, систематически: никакой умственный мышьякъ на насъ не дѣйствуетъ, мы застрахованы привычкой и разными противоядіями. Но „нищій духомъ“, младшій братъ нашъ простолюдинъ и тѣмъ паче солдатъ лишень этого отчасти жалкаго преимущества. Онъ, по свѣжести натуры своей, въ большой опасности, *если на народную литературу не будетъ обращено полно и разумно вниманіе*.

Нельзя, разумѣется, услѣдить, чтобы не только бесполезная, но и вредная книга какъ-нибудь не прокралась въ среду нашихъ начинающихъ читателей; но весьма удобно и непременно должно наблюдать, чтобы все то, что предназначается этой средѣ съ вѣдома власти, было безусловно здраво и разумно. Это и будетъ вѣрнѣйшее противоядіе противъ всякихъ случайныхъ отравъ.

Что же именно составляет достоинство потребной неразвитому человѣку книги? Чего мы вправѣ ожидать и, слѣдовательно, что именно обязаны давать солдатскіе журналы въ своихъ книгахъ?

Всякая книга разсматривается въ трехъ главныхъ отношеніяхъ: *формы, содержанія и духа* ея. Понятіе о формѣ выражаетъ, во-первыхъ, форму слова, рѣчи; слово это должно быть ясно, толково и непремѣнно *народно*; потомъ—последовательный порядокъ частей, составляющихъ книгу, вообще внѣшнюю систему цѣлой книги. Порядокъ тоже долженъ быть простъ, несложенъ и ясенъ.

Содержаніе—строго соображенное съ общимъ уровнемъ развитія среды, которой предназначается книга. Если это рядъ однородныхъ книгъ, какъ журналъ — полнѣйшая последовательность, постепенность, связь и цѣлость всего изданія: постепенность и цѣлость въ развитіи каждаго порознь предмета во всѣхъ книжкахъ.

Наконецъ, *духъ*—кромѣ общечеловѣческаго, христіанскаго, народнаго, неизмѣнно-обязательныхъ въ каждой народной книгѣ, въ спеціальному изданіи долженъ выражать и свое спеціальное свойство: солдатская книга должна быть проникнута *воинственнымъ* духомъ. Это, разумѣется, никакъ не означаетъ той исключительной односторонности направленія и взгляда, которые, жертвуя всѣмъ для своей цѣли, ведутъ къ узкости понятій и оупленію; но означаетъ простое и естественное подчиненіе данной точкѣ зрѣнія, которую мы не можемъ измѣнять произвольно. Это—уваженіе необходимости, поставившей человѣка въ извѣстное положеніе, съ котораго онъ не можетъ, слѣдовательно и не долженъ, глядѣть на міръ и на всѣ его явленія, считая въ томъ числѣ и самого себя, иначе, какъ подъ даннымъ угломъ, опредѣленнымъ его положеніемъ.

Такова сущность главныхъ требованій отъ солдатскихъ журналовъ. О второстепенныхъ требованіяхъ распространяться не станемъ, но прибавимъ еще одну частную и очень рѣзкую черту: журналъ, дневникъ или газета, издаваемый для просто-народа и солдатъ, не можетъ имѣть для нихъ такого же значенія, какое имѣютъ журналъ или газета, издаваемые для образованнаго общества. Обиліе извѣстій о текущихъ интересахъ и разнообразіе свѣдѣній, вмѣняемая въ достоинство журналу образованнаго сословія, составляютъ скорѣе слабую сторону

народнаго журнала, потому что они придаютъ ему отрывочность и лишаютъ возможности соблюсти послѣдовательность и связь разнородныхъ статей между собою. Обиліе разнообразныхъ матеріаловъ чтенія въ сжатомъ видѣ книжки (5—10 листовъ печатныхъ), пріятное и безвредное развитію человѣку, можетъ произвести въ неразвитой головѣ смѣшеніе понятій, сбивчивость мысли, отрывочность знанія; а частое упражненіе въ такомъ пестромъ чтеніи отзывается наконецъ положительнымъ безпорядкомъ въ головѣ. Слѣдовательно, чѣмъ ближе подходитъ солдатскій журналъ формой и содержаніемъ къ журналамъ развитаго общества, тѣмъ менѣе онъ годенъ для солдатъ, — и наоборотъ.

Разумѣется, если редакція съумѣетъ соблюсти необходимую связь въ разнообразныхъ и разнородныхъ частяхъ журнала, если выборъ и искусное составленіе статей сглаживаютъ обычную журнальную пестроту, то книга выиграетъ вдвойнѣ, давая пріятное разнообразіе, лишенное невыгодъ его. Но все-таки надо имѣть въ виду большинство тѣхъ почтенныхъ читателей, изъ которыхъ не всякій подозрѣваетъ, что слѣдующая страница въ книжкѣ не есть иногда продолженіе предъидущей, и, не взирая на всѣ точки и заглавія, читаетъ сплошь, связывая конецъ статьи съ началомъ слѣдующей, трактующей хотя бы совѣмъ о другомъ предметѣ. Чѣмъ меньше развитъ ужъ человѣка, тѣмъ проще и односложнѣе упражненіе дается ему. Тотъ же законъ для головы, какъ и для желудка: на этомъ основаніи малыхъ дѣтей кормятъ только кашей, а младенцевъ — грудью.

Теперь посмотримъ на сколько отвѣчаютъ всѣмъ этимъ условіямъ наши солдатскіе журналы.

Чтенія для Солдатъ раздѣляется на пять отдѣловъ. Первый отдѣлъ книжекъ составленъ изъ статей преимущественно *духовнаго* содержанія, достоинство которыхъ подлежитъ оцѣнкѣ специалистовъ. Разказы и описанія путешествій и странствій хотя вообще и вялы, но прочтутся не безъ нѣкоторой пользы для развитія христіанскаго чувства читателей. Но такой предметъ, какъ, напримѣръ, „О народныхъ примѣтахъ“ (книжка II), требуетъ побольше вниманія; нельзя такъ легко относиться къ обычаямъ и повѣрьямъ народа, а тѣмъ менѣе смѣшивать темное *суевѣріе* и *предразсудки* — въ родѣ „встрѣчь съ кошками, съ кривымъ или хромымъ человѣкомъ“ — съ *примѣтами*, осно-

ванными на опытѣ и наблюденіяхъ, какъ, напримѣръ: „далой звукъ издають колокола? какъ выходитъ дымъ изъ трубы? есть ли иней на деревьяхъ и пушистъ ли огъ?“ Первые—упорное заблужденіе невѣжества, порицаемое и отцами церкви, и законами, и наукой; вторые—выводы наблюденій простаго практическаго ума, положимъ, иногда и ошибочные выводы; но такой грѣхъ, какъ извѣстно, случается и съ наукой, ибо совершеннаго знанія нѣтъ на землѣ.

Такихъ стихотвореній, какъ „Мольба“, не слѣдовало бы печатать: малограмотность искажаетъ мысли вообще, а высокія, и тѣмъ болѣе священныя, въ особенности. Всѣ молитвы отличаются правильностію и чистотой, ясностію слова.

Вообще, отдѣлъ этотъ слишкомъ полонъ по объему и избытуетъ перепечатками.

Отдѣлъ II. 1-я книжка: „Переходъ черезъ Кваркенъ“ (1809); „Изъ походной жизни“ (1863); „Путевыя замѣтки“. 2-я книжка: „Войско въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны“; „Азовское казачье войско“; „Славная оборона у Шенграбена“ (1806); 3-я книжка: „Битва при Кулевчи“ (1829); „Черноморцы и пластуны“.

Разказы написаны большею частію толково и внятно, но сухо и безцвѣтно. Если бы эпизодическіе разказы эти представляли какую-нибудь послѣдовательность, связь, цѣлость, то была бы, хотя и односторонняя, польза въ такомъ чтеніи. Наконецъ, если бы эпизоды отличались картинностію — а условіе картинности художественность — то и тогда они были бы не бесполезны. Но тутъ ни порядка, ни цѣлости, ни художественности нѣтъ, а есть то, чего именно надо избѣгать въ бесѣдахъ съ малоразвитыми людьми: отрывочность, непослѣдовательность, сбивчивая пестрота. Очень естественно, что, напримѣръ, на 12 страничкахъ (2-я книжка) нельзя описать три различные предмета ни въ исторической связи, ни въ художественномъ изложеніи; но зачѣмъ же давать три отрывочныхъ и потому сбивчивыхъ разказа, вмѣсто одного, хотя бы и не художественнаго, но болѣе полнаго? Чтобы нагляднѣе объяснить себѣ несообразность и бесполезность набора подобныхъ разнородныхъ статей, надо вообразить, напримѣръ, картинную галерею, составленную изъ посредственныхъ произведеній и копій разныхъ школъ и мастеровъ, разныхъ эпохъ и разныхъ родовъ живописи. Конечно, есть и такія галереи, но очевидно, что онѣ

составлены способомъ случая: на столько же онѣ и поучительны и служатъ образованію вкуса, на сколько случай силенъ въ дѣлѣ ученія и образованія.

Отдѣлъ III. 1-я книжка: „Разсказъ изъ естественной исторіи“. 2-я книжка: „Гавріиль Романовичъ Державинъ“; „Бесѣда стараго кавалериста съ рекрутами о лошади“; „Полезныя и вредныя птицы“. 3-я книжка: „Бесѣды стараго кавалериста“ (окончаніе); „Волжскіе инородцы“; „Разсказъ путешественника о многоногѣ и скорпіонѣ“.

Подъ широкимъ заглавіемъ: „Разказы изъ естественной исторіи“, идетъ разсказъ на четырехъ страничкахъ о *хорькѣ*. Это и составляетъ весь III отдѣлъ 1-й книжки. Въ разсказѣ этомъ совмѣщены совѣты: „поручать ловлю хорьковъ въ деревняхъ дѣтямъ, вмѣсто того, чтобы отдавать ихъ на фабрики и посылать въ города, гдѣ они развращаются“, и въ то же время: „не истреблять хорьковъ (*перевозокъ*), а заботиться о ихъ размноженіи“, что, вмѣстѣ съ плохой виньеткой, составляетъ самое непонятное мѣсто этой бѣдной статейки. Вообще третій отдѣлъ отрывочностію и непослѣдовательностію не уступаетъ предъидущему. А переходы отъ „Державина“ къ „Бесѣдамъ о лошади“ и отъ „инородцевъ“ къ „скорпіону и многоногу“ покажутся читателямъ еще странище, чѣмъ отъ „Кваркена 1809 г.“ къ „Походной жизни 1863 г.“—Черезъ этотъ безпорядокъ и хорошія статьи много теряютъ. Къ числу такихъ принадлежитъ „Бесѣда кавалериста“, написанная именно съ тою легкою и вынитою научностію, которая какъ нельзя болѣе прилична въ солдатскомъ изданіи: подобное сочетаніе практическаго знанія съ умѣньемъ передать его ясно и занимательно — большая рѣдкость. Статья эта составитъ брошюру (40 страницъ), которая будетъ необходимой и любимой карманной книжкой каждаго молодого кавалериста. Не дуренъ разсказъ: „Г. Р. Державинъ“. Жаль, что языку недостаетъ простоты: онъ нежножко книженъ; но все-таки это лучший изъ разсказовъ разсматриваемаго изданія.

Коротенькія статейки „изъ естественной исторіи“, собранныя вмѣстѣ, были бы и не бесполезны, а при настоящемъ ихъ размѣщеніи онѣ окончательно теряются въ общей пестротѣ. Весь отдѣлъ составленъ очень несистематично.

Отдѣлъ IV. 1-я книжка: „Письмо рекрута на родину“ (стихотвореніе); „Императрица Екатерина Великая“ (историческій

рассказъ); „Свекровь“ (рассказъ). 2-я книжка: „Чарка-лиходѣйка“ (стихотвореніе); „Императрица Екатерина Великая“ (окончаніе); „Питерщикъ“; „Нашла коса на камень“. 3-я книжка: „4-е апрѣля“ (два стихотворенія); „Иванъ Сусанинъ“ (рассказъ).

Это отдѣлъ солдатской и простонародной беллетристики. „Письмо рекрута“ слабо по исполненію, „Чарка-лиходѣйка“ нѣсколько лучше. Два извѣстныхъ стихотворенія „4-е апрѣля“ Поливанова и Некрасова, по самому предмету своему, разумѣется, выше всякой критики. Историческій рассказъ „Екатерина Великая“ не безъ нѣкоторыхъ достоинствъ, какъ и „Иванъ Сусанинъ“. Солдаты и народъ должны ознакомиться съ подобными историческими фактами: это подготовительный приемъ къ *будущему* изученію отечественной исторіи.

Но въ рассказахъ: „Свекровь“, „Питерщикъ“, „Нашла коса на камень“, нѣтъ ровно ничего ни назидательнаго, ни художественнаго. А надо замѣтить, что именно на рассказы и повѣсточки очень падки наши почтенные нетвердограмотные читатели, и тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ этотъ родъ литературы. Что же вынесетъ читатель изъ вялыхъ, хоть и трагическихъ, но ученически-безыскусныхъ и безцѣльныхъ рассказовъ? Напримѣръ: бѣдный паренъ жейтся на богатой дѣвушкѣ; они любятъ другъ друга; ни съ того, ни съ сего свекровь не возлюбила свою скромную и добрую невѣстку, стала ее преслѣдовать, наконецъ бить. Хорошая, любящая женщина, не зная, какъ избыть бѣдѣ, повѣсилась; мужъ съ горя спился; ея мать — сейчасъ же, а остальные дѣятели въ этой смутной исторіи — немножко подождавъ, померли. Такова „Свекровь“. „Питерщикъ“ еще проще: богатый и смѣтливый паренъ не захотѣлъ жениться и водвориться въ своемъ селѣ, задумалъ непремѣнно побывать въ Питерѣ. Сказано—сдѣлано: онъ ужъ въ плотничьей артели служить у хозяина и въ первый же мѣсяцъ, получивъ жалованье, напился съ товарищами, да и записалъ „горькую“. Потомъ однако приудержался „года два-три“. Далѣе: безъ размышленій, кромѣ одной „недоброй мысли, что честнымъ трудомъ нелегко нажить деньгу“, взялъ топоръ, сломалъ хозяйскій сундукъ, „схватилъ нѣсколько пачекъ денегъ“, и, увидѣвъ въ эту минуту въ дверяхъ горницы входящаго хозяина: „злодѣй стоялъ весь блѣдный и дрожащій.... Наконецъ (,) бросившись на хозяина, сильно ударилъ его топоромъ по головѣ“. По топору узнали преступника.

„Простите меня (,) люди добрые—простоналъ онъ—не помните меня лихомъ.... Я убилъ его.... я.... вѣдите меня, закуйте въ цѣпи.... я убійца!“

Проходя съ ссыльно-каторжными въ Сибирь, мимо своей деревни, молодецъ былъ встрѣченъ эшмаками, которые не узнали въ немъ прежняго красавца. „Не завидуй чужому добру, а довольствуйся тѣмъ, что самъ имѣешь“.

Повѣсть кончается этимъ неоспоримымъ изрѣченіемъ, которое можетъ отчасти относиться и къ автору слѣдующей непосредственно повѣсти „Нашла коса на камень“. Содержаніе ея ужъ чрезчуръ сильно напоминаетъ повѣсть, нѣкогда пошпенную въ „Солдатской Весѣдѣ“, подъ заглавіемъ „Солдатское пиво“. Вся разница въ томъ, что тутъ „нашла коса на камень“, а тамъ „попалъ топоръ на сучокъ“; тамъ *портитъ* знахаря проходившій солдатъ *на пивъ*, а тутъ — проѣздившій извозчикъ—*на смилъ*. И тамъ портитъ табаконъ, и тутъ табаконъ; но тамъ солдатъ высыпаетъ въ кружку пива табакъ изъ тавлинки, а тутъ гораздо проще: извозчикъ „захватилъ щепотъ табаку изъ своего праваго кармана и бросилъ въ стаканъ вина“. Тамъ, т. е. въ „Солдатскомъ пивѣ“ знахарь кричитъ: „охъ, животики мои надрываются!“, и, расталкивая народъ, рванулся къ двери; а въ „Нашла коса на камень“ колдунъ стоишь: „все нутро мое поднялось.... охъ!“ и бросился къ двери.

Конечно, эта капитальная разница двухъ рассказовъ и старинная поговорка: *les beaux esprits se rencontrent*, а наконецъ и совершенно различное окончаніе повѣстей—первая кончена на половинѣ второй—все вмѣстѣ объясняетъ *случайное* сходство ихъ. Но вѣдь такихъ случаевъ надо избѣгать, какъ и всякаго слишкомъ рѣзкаго повода къ „злословію“: подобныя *тѣмъ*, падая на журналъ, неволью приведутъ даже и доверчивыхъ читателей къ заключеніямъ, очень невыгоднымъ для редакціи.

Вообще отдѣлъ этотъ—самый основной въ каждомъ литературномъ журналѣ и самый необходимый, какъ удобнѣйшее средство нравственнаго развитія читателей—слабъ и, уступая другимъ отдѣламъ полнотой, не уступаетъ имъ отрывочностію и безсвязностію своею.

Отдѣлъ V во всѣхъ трехъ книжкахъ: 1) приказы и правительственныя распоряженія; 2) солдатскій собесѣдникъ и 3) солдатскія сочиненія.

О первой рубрикѣ можно сказать, что выборъ приказовъ и

распоряженій соответствевъ надобности солдатъ, а объясненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ „Солдатскомъ Собесѣдникѣ“ какъ нельзя лучше удовлетворяетъ потребности нетвердограмотныхъ читателей.

О „солдатскихъ сочиненіяхъ“, помѣщенныхъ въ концѣ книжекъ, нельзя бы сказать много: они недурны безотносительно; но если оцѣнить ихъ по отношенію къ большей части рассказовъ и статей изданія, то они окажутся превосходными. Сличая, наприимѣръ, рассказы „Подвигъ унтеръ-офицера Сидорова“, „Кунаки“ и „Штрафованный“ съ повѣстуннями „Свекровь“, „Питерщикъ“ и „Нашла коса на камень“, недоумѣваешь: почему эти „солдатскія сочиненія“ не удостоились чести помѣщенія въ отдѣлъ беллетристики, тогда какъ они положительно *во всякъ отношеніи* лучше и выше повѣстуншекъ, украшающихъ тотъ отдѣлъ? Литература, какъ и всякое искусство, тѣмъ болѣе изящное, свободное, вовсе не требуетъ іерархической классификаціи, необходимой на службѣ и во фронтѣ. Почему же умный и даже даровитый рядовой или писарь и въ журналѣ долженъ стоять непременно ниже бездарнаго чиновника? Въ искусствѣ, да и въ каждомъ знаніи и умѣньи, есть своя градація достоинствъ, и добровольное подчиненіе ей не только не нарушаетъ служебныхъ отношеній, но, какъ справедливое, составляетъ обязанность образованнаго человѣка.

Конечно, не велика важность помѣстить дѣльную и разумную статейку „солдатика“ на лѣвый флангъ, пониже, а слабенькому рассказу литератора по ремеслу дать почетное мѣсто. Фактъ, повидимому, ничтожный, но значеніе его очень важно. Такая перетасовка могла произойти по одной изъ двухъ только причинъ: или по сознательней оцѣнкѣ произведеній, или по рутинному предубѣжденію относительно авторовъ. Въ первомъ случаѣ оцѣнка невѣрна; о второмъ сказано выше; во всякомъ случаѣ, ведя дѣло подъ влияніемъ такихъ причинъ, легко можно, вмѣсто движенія впередъ, попытять его назадъ.

Въ доказательство же, что заключеніе наше о *невѣрности оцѣнки* произведеній неголословно, достаточно сопоставить повѣсти IV отдѣла „съ солдатскими сочиненіями“. Существенная разница между ними слишкомъ рѣзка: безъ всякаго анализа очевидно, что авторы первыхъ совсѣмъ *не знали* того, о чемъ пишутъ, и не дали себѣ отчета, для чего они написали. Точно также очевидно, что авторы послѣднихъ сочиненій *хорошо*

знали то, о чемъ писали, если даже и не дали себѣ отчета, для чего писали.

Это-то и составляетъ несомнѣнную важность факта, по-видимому, ничтожнаго.

Къ первой книгѣ дана въ приложеніи ариѳметика. Составлена она просто, понятно и вообще хорошо; нѣтъ ни безполезныхъ *отредѣлений*, которыя всегда трудно понимаются или вовсе не понимаются малоразвитыми людьми, и потому наводить учениковъ на жалкій способъ *долбленія*, выучки наизусть; ни излишнихъ толкованій того, что и безъ толкованія ясно; словомъ это, по нашему мнѣнію, одна изъ лучшихъ ариѳметикъ вообще, а для солдатъ, т. е. взрослыхъ учащихся людей, въ особенности.

Въ началѣ третьей книги: „О чудесномъ избавленіи жизни Государя Императора отъ злодѣйской руки убійцы“, великое событіе изложено въ той простой послѣдовательности, которая не нуждается ни въ какихъ усиліяхъ искусства. Божій Промыселъ надъ Помазанникомъ Своимъ является во всей божественной простотѣ: убогій сынъ освобожденнаго Царемъ-Отцемъ народа, безсознательно, однимъ мановеніемъ руки, разрушаетъ козни обдуманнаго злодѣйства. Приведенныя заявленія вѣрно-подданныхъ чувствъ отъ разныхъ обществъ лучше всего объясняютъ, какъ глубоко потрясены были *всѣ* этимъ чудовищнымъ намѣреніемъ и обрадованы чудеснымъ уничтоженіемъ его.

Въ концѣ статьи портретъ О. И. Коммисарова, не совсѣмъ удачный.

Въ концѣ 1-й и 2-й книжекъ, за оглавленіемъ и спискомъ подписчиковъ, предлагается „Списокъ книгамъ, полезнымъ какъ для назидательнаго чтенія, такъ и для руководства въ сельскихъ, воскресныхъ и полковыхъ школахъ“. Книги эти изданы редакціей „Чтенія для Солдатъ“; но дѣйствительно ли всѣ онѣ назидательны и полезны—это еще вопросъ. Конечно, издатели книгъ должны имѣть въ виду пользу, на столько же свою, какъ и общественную; однако опытъ доказываетъ, что иногда половина этой хорошей перспективы какъ-то теряется изъ виду. Иное дѣло, если бы къ такимъ спискамъ *собственныхъ книгъ* въ солдатскихъ и народныхъ изданіяхъ прибавлялся списокъ вообще всѣхъ хорошихъ книгъ, издаваемыхъ для народа: это было бы несомнѣнно полезно для солдатъ и народа, имѣющихъ такъ мало

источниковъ свѣдѣній о выходѣ въ свѣтъ нужныхъ для нихъ руководствъ и книгъ. Такая мѣра ничуть не стѣснила бы редакціи и должна быть нравственно-обязательною для нея. Если бы расходъ книгъ, издаваемыхъ редакціей, нѣсколько и уменьшился чрезъ это, за то увеличилась бы польза подписчиковъ, слѣдовательно возрасло и достоинство журнала, котораго существованіе обусловливается именно общей пользою.

Въ видахъ той же пользы слѣдовало бы также отчетливѣе опредѣлить и цѣну за пересылку брошюръ: опредѣленная редакціей цѣна 2 копейки за экземпляръ, конечно, не велика, но условіе: „редакція исполняетъ только требованія *не меньше какъ на одинъ рубль, не включая денегъ на пересылку*“, представляетъ уже комбинацію не особенно выгодную покупателямъ.

Указываемъ на это единственно потому, что въ расчетахъ съ народомъ и солдатами нужна совершенно ясная формула.

Мы забыли въ своемъ мѣстѣ упомянуть о рисункахъ и виньеткахъ: въ трехъ книжкахъ помѣщено ихъ десять. Нѣкоторые недурны.

Общій выводъ о достоинствѣ „Чтенія для Солдатъ“ съ принятой нами точки зрѣнія, представляется такой:

Въ отношеніи *формы*: языкъ вообще довольно ясенъ, но вялъ и нѣсколько *книженъ*, особенно въ научныхъ статьяхъ. Обращиками упрощеннаго и правильнаго слога могутъ служить статьи: „Весѣды кавалериста“, „Ариѳметика“ и — съ особеннымъ удовольствіемъ отдаемъ эту справедливость—„Солдатскія сочиненія“. Внѣшній составъ книжекъ и расположеніе статей неудовлетворительны, по излишеству разнообразія и отрывочности и по недостатку послѣдовательности.

Содержаніе книжекъ выборомъ предметовъ болѣе-менѣе соответственно назначенію изданія, но, какъ всегда, тѣсно связанное съ формой, представляетъ тѣ же и недостатки: избытокъ отрывочныхъ, неясныхъ и, слѣдовательно, сбивчивыхъ свѣдѣній. Если это и удовлетворяетъ любопытству, то никакъ не пробуждаетъ любознательности.

Изданіе выдерживаетъ свой спеціальный *военный* характеръ и тонъ—эта внѣшняя сторона безупречна; но, за недостаткомъ художественности выполненія, оно мало проникнуто тѣмъ *воинственнымъ духомъ*, который и есть главный дѣятель въ развитіи нравственнаго достоинства солдата. Исправность, повиновеніе, знаніе своей обязанности водворяются легко и просто;

но честь, мужество, самоотверженіе, великодушіе, преданность престолу и отечеству не прививаются внѣшними способами приказаній или убѣдительныхъ совѣтовъ: для развитія ихъ въ душѣ человѣка необходимо прямое и сильное дѣйствіе на душу живымъ примѣромъ или художественнымъ воспроизведеніемъ такихъ примѣровъ—живымъ словомъ.

Этого-то воспроизведенія и нѣтъ въ изданіи вообще, а въ отдѣлѣ словесности въ особенности. Крайняя бѣдность этого отдѣла, можетъ быть, объясняется всеобщимъ современнымъ недостаткомъ въ нашей литературѣ не только талантовъ, но и сколько-нибудь замѣтныхъ дарованій; но мы заявляемъ фактъ, который нельзя пройти молчаніемъ.

Остается пожелать, чтобы редакция „Чтенія для Солдатъ“ обратила серьезное вниманіе на тѣ недостатки, которые частію вредятъ и во всякомъ случаѣ сильно уменьшаютъ пользу изданія для солдатъ. Дѣло это становится дѣломъ великой важности для нравственно-обновленной нашей арміи.

Поговоримъ теперь о „Солдатской Весѣдѣ“.

Отдѣлъ I. Правительственные распоряженія.

Этотъ отдѣлъ, безъ поясненій, особенно поясненій смысловъ на статьи „Свода Воен. Постан.“, знанія которыхъ нельзя и предполагать въ солдатѣ, на половину бесполезенъ. А нѣкоторые приказы и циркуляры, какъ вовсе неотносящіеся до солдатъ, не должны бы и входить въ солдатскій журналъ, напримѣръ: „О повѣрѣи отчетности по приходу-расходу разныхъ предметовъ довольствія отъ земства въ частяхъ артилеріи командирами артилерійскихъ бригадъ“ и пр., или „Объ отпускѣ батареямъ сверхъ селитры и сѣры для сигнальныхъ ракетъ по 5 р. 40 в.“ и пр. Также мѣстные распоряженія: „О командѣ дедюхинскаго соловареннаго завода“, „О мастеровыхъ двнабургскаго инженернаго арсенала“ и т. п. Или помѣщать всё, что составило бы цѣлую книгу, и притомъ бесполезную, потому что всё частныя и мѣстные распоряженія не имѣютъ никакого интереса для арміи, или не помѣщать вовсе, что и должно принять за правило. Еще менѣе прилично въ этомъ военномъ отдѣлѣ помѣщеніе полнаго объявленія „О второмъ 5⁰/₁₀ съ выгрышами займѣ 1866“. И, наконецъ, не идетъ сюда же „Аван-

постная служба“, которая, въ такомъ видѣ наложенная, можетъ составить только „приложеніе“ къ журналу.

Отдѣлъ II. Словесность. 1-я книжка: „Скоморохъ“ (разсказъ подь балаганами). 2-я книжка: „Басни Крылова“ (Пустынникъ и Медвѣдь; Лягушка и Волкъ; Лебедь, Щука и Ракъ). 3-я книжка: „Подражаніе Іову“, Ломоносова. 4-я книжка: „4-е апрѣля“ (четыре стихотворенія). 5-я книжка „Иванъ Сусанинъ“ и „Жизнь за Царя“.

Въ пяти книжкахъ, то есть за полгода, 34 странички, хотя бы и гениальныхъ перепечатанныхъ произведеній для чтенія — все это было бы очень бѣдно; но такъ какъ 30 изъ этихъ страницъ (четыре прекрасныя стихотворенія „4-е апрѣля“, перепечатанныя изъ газетъ, мы исключаемъ) оказываются либо очень старыми перепечатками, либо посредственностями, какъ, напримѣръ: „Скоморохъ“, рассказанный подь балаганами, гдѣ, впрочемъ, и трудно рассказать что-нибудь путное, то отдѣлъ словесности для полугодоваго упражненія вышелъ изъ рукъ вонъ плохъ. Не бѣда, что „Скоморохъ“ старая избитая повѣстуха рассказана заново солдатамъ: она, *между прочимъ*, годится для чтенія; но неловко то, что девять страничекъ разгонистой печати составляютъ весь *отдѣлъ* книги. Еще болѣе неловко: три всѣмъ извѣстныхъ басни Крылова, на пяти страничкахъ — тоже отдѣлъ 2-й книги. Верхъ совершенства—отдѣлъ словесности 3-й книжки: „Подражаніе Іову“, Ломоносова—и все тутъ.

Словомъ, весь отдѣлъ словесности въ пяти книжкахъ, по достоинству труда (т. е. труда перепечатки) и цѣнности матеріала (т. е. бумаги и печати), равняется, напримѣръ, брошюркѣ: „Собраніе басенъ русскихъ баснописцевъ, 32 страницы, съ виньеткой, цѣна 7 к., или „Христоматія“ для народа“, цѣна 5 к.

III отдѣлъ. Науки. 1-я книжка: „Что выдѣлывается и добывается изъ глины“; „Сельскія школы“. 2-я и 3-я книжки: „Краткая исторія Россіи“. 4-я книжка: „О вѣмцахъ“; „Взятіе Карса“. 5-я книжка: „Краткая исторія Россіи“.

Этотъ отдѣлъ доказываетъ преобладаніе „научнаго“ направленія „Солдатской Бесѣды“. Какъ мастерски примѣнены научныя приемы къ пониманію солдатъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ, взятыхъ на выдержку формулъ:

.... „Въ 100 фунтахъ квасцовъ содержится 36 фунтовъ глины, окисленной сѣрою, 18¹/₂ фунта сѣрнокислаго кали (въ

выноска, къ счастью, объяснено, что это *калы* или *лазериты* находится въ огнедышащей горѣ Везувіи) и 45¹/₂ фунтовъ воды (а чего же еще ¹/₅ части фунта?)—это *калевые квасцы*“. „А верѣдко *натр* и *калы* замѣняются въ квасцахъ *сѣрнистыми амміяками*: это—*амміячные квасцы*.“ „Изъ глины же, по способу ученаго химика Корбелли, готовится *аллюминій*: берутъ 100 золотниковъ глины, распускаютъ въ 600 золотникахъ сгущенной сѣрной и крѣпкой хлористоводородной кислотахъ, выпариваютъ и обжигаютъ въ тиглѣ, доводя жаръ до 500 градусовъ Цельзіева термометра“.... Рецептъ, конечно, должно быть хорошъ; но если—чего Боже сохрани и что непременно случится—солдатъ тутъ ровно ничего не пойметъ — диссертация и пропала!

Конечно, Богъ съ ней и съ диссертацией, жалѣть ее нечего; но жалъ, что она приведетъ въ страшное смущеніе бѣднаго читателя, особенно если онъ прочтетъ надъ каждой страницей: „производство кирпичей“—и ни объ одномъ кирпичѣ не найдетъ во всей статьѣ ни слова. Къ чему такая иронія?

И такихъ двѣ статьи, и объ очень длинныя—это даже жестоко. Вообще подобныя „научныя“ статьи, если нельзя отъ нихъ совсѣмъ воздержаться, лучше бы откладывать до „слѣдующихъ“ книжекъ: лѣтъ этакъ черезъ двѣсти, можетъ быть, и пригодились бы, а въ настоящее время не только никто въ твердомъ фронтѣ, но даже и цирюльникъ, даромъ что спеціалистъ и немножко химикъ, не пойметъ тутъ многого или ровно ничего.

„Краткая исторія Россіи“ доведена до такой краткости, что сама исторія погибаетъ, а остается рядъ собственныхъ именъ, изученіе которыхъ столько же трудно, сколько и бесполезно. Вялый и безхарактерный разсказъ, пересыпающій эти имена, сбивчивъ иногда до бессмыслія; на примѣръ: „для принятія св. крещенія Ольга отправилась въ Царьградъ“ (нынѣшній Константинополь). Солдатъ, не зная и не вида изъ этой исторіи, что Царьградъ былъ греческимъ городомъ, изумится: зачѣмъ же ѣздить въ Турцію для принятія крещенія? Или: „По смерти Іоанна (,) волею хана, великимъ княземъ назначенъ былъ сынъ его (хана?), Симеонъ Гордый. Подобно отцу, онъ былъ покоренъ къ ханамъ и исправно возилъ въ Орду дань. Къ несчастію (чѣму? татаръ?) Симеонъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ отъ моровой язвы“. И болѣе о немъ ни полслова. Тутъ есть нѣчто татарское въ отношеніи и грамматики и смысла.

Такая „исторія“, конечно, внѣ критики; но вѣдь она будетъ издана отдѣльной книжкой, какъ и все печатающееся въ этихъ журналахъ, „для полковыхъ и сельскихъ школъ“. Любопытно было бы знать, серьезно ли редакція полагаетъ, что такъ и слѣдуетъ знакомить съ отечественной исторіей солдата и простолюдина? Утверждаемъ положительно — она ошибается.

„Сельскія школы. Необходимость сельскихъ школъ для дѣвиць. Отчего мужъ позорить и бьетъ жену?...“ Не вредно ли женщинамъ читать книги?... Надо ли учить дѣвиць письму?... Наконецъ, „Значеніе земскихъ учреждений въ дѣлѣ образованія крестьянскихъ дѣвиць“.

Читая эту статью, солдатъ навѣрное скажетъ: „это написала незнающая и злая барыня“. И онъ не очень ошибется, если даже статью написалъ мужчина: растянutosть слога, аляповатость поддѣлки подъ *простой* языкъ, претензія на знаніе и явное незнаніе народнаго быта выразились въ невоздержной болтовнѣ. Напримѣръ: „И до того это обыденно, что когда мужъ позорить всячески жену, таскаетъ ее за косы по деревнѣ, никто и не задумается надъ этимъ“.... Ужъ будто и никто?

Или: „Извѣстна также хороводная пѣсня:

Жена ль моя женушка!
Сердитое сердце мое!
Что не любишь меня,
Не глядишь на меня?

„въ которой изображается, какъ мужъ задабриваетъ жену, наконецъ прибѣгаетъ къ послѣднему средству — беретъ плеть. Доказывается, значитъ, что съ женой толковать—только рѣчи тратить, а если заупрямится, такъ лучше плетью ее!“

Каково пониманіе значенія хороводныхъ пѣсенъ!

Или: „Во многихъ губерніяхъ крестьяне круглый годъ ходятъ въ грязномъ бѣльѣ, и не потому, чтобы средствъ не было: тѣ же крестьяне, особенно женскій полъ, заводятъ себѣ весьма дорогія и роскошныя, въ азіятскомъ вкусѣ, платья“....

Впрочемъ, вся эта іереміяда обращена къ земскимъ учреждениямъ: „Земскимъ учреждениямъ слѣдуетъ рѣшить“.... „Если не будетъ устроено въ губерніи особой женской семинаріи“.... „Вотъ двѣ великія задачи земскихъ учреждений по вопросу народнаго образованія и мѣстной промышленности“. Это справедливое заключеніе избавляетъ наконецъ солдатъ отъ хлопотъ

съ „образованіемъ дѣвицъ“ и указываетъ прямо, что и вся статья — не про насъ писана.

„О нѣмцахъ“ написано съ большею компетентностію, но за то еще неудобнѣе для солдатскаго пониманія: объясняется вкратцѣ устройство *Германскаю Союза* (и какъ встали!); *Таможеннаю Союза*; правилъ нѣмецкихъ сберегательныхъ и ссудныхъ кассъ; значеніе *философской энциклопедіи* (прелюбопытная вещь!); *берлинскіе* и *рейнскіе* листки (журналы). Во многомъ мы, конечно, и согласны съ редакціей, напримѣръ во взглядѣ на пиво и на вино: „тогда какъ нашъ русскій пьяница выглядываетъ (слово непонятное для простолюдина) изношенною, уродливою натурою (выраженіе вовсе не русское) съ багровымъ лицомъ и дикими кровавыми глазами, баварскій бюргеръ, поглощающій цѣлыя бочки пива, только крѣпнетъ и толстѣетъ отъ этого питья“. Или: „Берлинецъ терпѣть не можетъ грязи, даже свиней содержатъ тамъ (т. е. въ Берлинѣ?) чище, чѣмъ наши мясники и рыбные торговцы содержатъ самихъ себя“.

А добродушный взглядъ автора на нѣмецкія національныя забавы: „карнавальныи герой гансвурстъ (шутъ) съ бубнами, погремушками, съ длиннымъ хлыстомъ, обвѣшанныи бутылками, въ дурацкомъ нарядѣ, смѣшнѣе и потѣшаетъ добрыхъ нѣмцевъ“. — Этотъ взглядъ, сопоставленный со скептическимъ взглядомъ другаго автора на нашу масляницу (разныя извѣстія)... „все это пошло и не смѣшно, а больно только видѣть истязанія и мученія всѣхъ наряженныхъ какъ чучель, вертящихся, грязнопляшущихъ (?) и мерзнущихъ до полусмерти паяцевъ“.... намекаетъ уже на пристрастіе. Конечно, не слѣдуетъ лѣстить народнымъ слабостямъ, но и „униженіе паче гордости“: пора же догадаться, что не въ нѣмцахъ наше спасеніе и что вѣчное сопоставленіе народа съ ними не ведетъ ровно ни къ чему доброму, и не ведетъ именно потому, что оно почти всегда несправедливо. А несправедливо оно потому, что нѣмцевъ и Германію мы знаемъ отлично, а Россію и народъ очень плохо: точно какъ будто мы сами нѣмцы. А? не правда ли?

Мы согласны, что, напримѣръ, „русская уродливая натура съ багровымъ лицомъ“ ниже „бюргера, поглотившаго бочки пива“, и что „берлинская свинья чище не только нашего мясника“, но, пожалуй, и хозяина ея, но почему же, позвольте спросить,

нѣмецкій дуракъ, гансвурстъ, не такой же дуракъ, какъ и нашъ дуракъ? Тамъ явленіе это нормальнѣе, что ли?

IV отдѣлъ въ 1-й и 3-й книжкахъ: *Разныя извѣстія*, во 2-й, 4-й и 5-й *Земское дѣло*. И то и другое частію перепечатка, частію компиляція изъ разныхъ газетъ обо всемъ что угодно, кромѣ, разумѣется, предметовъ, интересныхъ солдату. Преобладаетъ въ этихъ *разныхъ извѣстіяхъ* и *земскихъ дѣлахъ* двоякое направленіе: финансовое и медицинское; первое, выражаясь почти на каждой страницѣ рядами цифръ — рублей и копѣекъ — заключается извѣстіемъ объ итальянской національной подпискѣ для погашенія ихъ внѣшняго долга; второе — обширными свѣдѣніями о повивальныхъ бабкахъ, фельдшерахъ, акушерахъ и увѣнчано гомеопатическимъ рецептомъ противъ холеры: „Iresacuanha и Vegetum... *Одна цѣлая капля* ($\frac{1}{2}$ или $1\frac{1}{2}$ капли никуда не годится) есть рѣшительное средство“. „Всякія тренія вредны.“ Вѣрьте послѣ этого нерѣшительнымъ алопатамъ!

Изрѣдка попадаются въ этихъ извѣстіяхъ отрывки, которые понятны и хотя сколько-нибудь занимательны солдату, какъ, напримѣръ, о *волкѣ*, о *баланахъ*; но такихъ отрывковъ крайне мало, а остальное — темна вода во облацѣхъ.

Единственная въ пяти книжкахъ *военная* статейка — „Взятіе Карса“, написанная довольно слабо, теряется въ неудачномъ наборѣ перепечатокъ и компиляцій, конечно, имѣющихъ смыслъ, но для читателей болѣе развитыхъ, нежели среда солдатъ и народа.

Въ „Приложеніи“ данъ букварь. Онъ не дуренъ, но въ сравненіи съ имѣющимися букварями далеко не безукоризненъ, и не безъ ошибокъ: во-первыхъ, чтобы произнести букву с надо писать не *ес*, потому что это даетъ тотъ же звукъ что *ьс*, а слѣдуетъ *эс*; во-вторыхъ, наклеенныя буквы придуманы не г. Золотовымъ, а немножко раньше рожденія его; въ-третьихъ, родительный падежъ существительнаго *комаръ* во множественномъ числѣ *комаровъ*, а не *комарей*; въ-четвертыхъ, *лифъ*, *миовъ*, *рифъ*, *пуфъ*, можно бы замѣнить для народа болѣе русскими словами; а въ-пятыхъ, и въ послѣднихъ, можно бы и не издавать букваря, который если и вносить въ дѣло обученія грамотѣ что-нибудь новое, то это новое, какъ видимъ, очень не нужно.

Затѣмъ объявленія — пополняющія только число страницъ и

вовсе непотребныя народу, какъ, напримѣръ: о конторѣ справокъ и порученій Горбунова и К^о, о журналахъ, или о „Физиологіи женщины“, и т. п.

Вотъ это другое дѣло: вывалилась изъ книжки сложенная in-8° огромная картина, въ рамахъ, изображающихъ китайцевъ — кто съ подносомъ, кто съ ящикомъ, кто съ лукомъ и стрѣлами. И въ серединѣ домъ, полный тоже китайцевъ, поддерживающихъ ленту съ надписью: „Оптовро-розничныи магазинъ Петра Сергѣевича Орлова“. Настоящая китайская бесѣда!...

Однако каждый экземпляръ всей этой бесѣды въ 12 книжкахъ стоитъ подписчику 2 р. с. — это единственный выводъ, который слагается самъ собой по прочтеніи пяти книжекъ „Солдатской Бесѣды“ 1866 г. Хотя редакція еще съ третьей книжки и убѣждаетъ подписчиковъ прекрасными стихами Ломоносова:

„О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человекъ!...“

но имъ, конечно, мерещатся великія слова правды („Солдатская Бесѣда“, 11-я книжка, стр. 57): „о различнаго рода спекулянтахъ и промышленникахъ...“ и не утѣшаетъ ихъ даже и китайская бесѣда.

Вотъ почему и не странно, что многія части войскъ, выписывая подобные журналы для солдатъ, складываютъ ихъ, не разрѣзывая листовъ, въ порядкѣ въ цейхгаузъ.

Между тѣмъ, нельзя сомнѣваться, что, при настоящихъ условіяхъ солдатскаго быта, потребность въ книгахъ образовательнаго характера въ арміи уже существуетъ и должна найти удовлетвореніе, какъ одна изъ самыхъ законныхъ и почетныхъ потребностей.

Что военная литература принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ развитія нравственности и духа войска, доказательства тому можно найти, конечно, во всѣхъ европейскихъ войскахъ. Напримѣръ, во французской арміи такое значеніе литературы обнаружилось довольно выразительнымъ фактомъ: послѣ крымской кампаніи на массу войскъ до того не было обращено вниманія въ этомъ отношеніи, что полковыя школы даже посѣщались необязательно. Нравственность въ арміи была не въ блестящемъ положеніи и

проступки случались часто; а въ итальянскую кампанію, на второй же мѣсяцъ походовъ, мародерство такъ распространилось въ арміи, что генераль Пелисье, въ донсеніи императору, обратилъ его особенное вниманіе на это обстоятельство. Послѣ кампаніи сдѣлано было строжайшее распоряженіе о занятіи солдатъ въ школахъ и обращено вниманіе на солдатскія библіотеки.

Недавніе приказы военнаго министра и начальниковъ дивизій („Moniteur“ 1864 и 1865 гг.) требуютъ однообразнаго обученія войскъ по указаннымъ методамъ. Въ „Монитерѣ“ публикуются даже списки грамотнымъ и безграмотнымъ конскриптамъ по департаментамъ. Старые офицеры и сержанты единогласно утверждаютъ, что именно эти мѣры подняли нравственность и духъ войска.

Но во Франціи такія мѣры особенно удобны: уровень развитія солдатъ тамъ выше и литературныя средства несравненно богаче нашихъ. Тѣмъ не менѣе, и у насъ, особенно съ распространеніемъ грамотности въ народѣ, пора обратить на это дѣло полное вниманіе и не предоставлять его слѣпому произволу случая.

Литература — гласъ народа; въ нравственномъ смыслѣ это одинъ изъ полюсовъ того тока, который проводитъ порядокъ и духовное достоинство въ общество и другой полюсъ котораго есть законъ. Сила дѣйствія литературы, такъ сказать, *снизу*, совершенно соотвѣтствуетъ силѣ дѣйствія закона и власти *сверху*. Согласно дѣйствіе ихъ—явленіе самое правильное и непремѣнно могущественное; но необходимо установить эту гармонию. Легче всего сдѣлать это въ зарождающейся солдатской и „народной“ литературѣ, для правильнаго направленія которой не нужно никакихъ новыхъ средствъ, а только нужно привести въ порядокъ наличныя средства.

Но въ томъ видѣ, какой представляетъ собою наша солдатская (и народная) литература, она не можетъ служить ни общеобразовательнымъ цѣлямъ, ни спеціальнымъ потребностямъ войска: она похожа на тѣ бесполезныя дѣтскія игрушки и забавы серьезными предметами, которыя какъ будто и развиваютъ понятія дѣтей, а въ сущности только опошляютъ въ ихъ глазахъ серьезные предметы и ведутъ къ профанаціи. Лучше ничего, нежели подобное ремесло.

Конечно, противъ всего этого можно было бы сказать много,

и даже дѣльнаго; еще удобнѣе ничего не сказать и оставить пока безъ вниманія, на томъ справедливомъ основаніи, что дѣйствительная потребность въ свое время скажется сама. А эта потребность именно изъ тѣхъ, которыя хотя и не выражаются такъ громко, какъ, напримѣръ, выразилась потребность ружей, заряжающихся съ казны, но она способна выразиться еще основательнѣе.

La commission sanitaire des États-unis. Son origine, son organisation et ses résultats; avec une notice sur les hopitaux militaires aux États-Unis et sur la reforme sanitaire dans les armées européennes. Par Thomas W. Evans, docteur en medecine, chirurgien-dentiste de L. L. M. M. l'Empereur des Français et l'Empereur de Russie, chevalier etc. Paris. 1865. (Санитарная комисія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Ея начало, устройство и результаты, съ прибавленіемъ извѣстій о военныхъ госпиталяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ и о санитарной реформѣ въ европейскихъ арміяхъ. Соч. Томаса У. Ивенса, доктора медицины, хирурга-дантиста Ихъ Величествъ Императора Всероссийскаго и императора французова, кавалера и пр. Парижъ. 1865.)

„Громадныя усовершенствованія, сдѣланныя въ послѣднее время въ матеріальной части военнаго искусства—говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ—введеніе нарѣзныхъ орудій и сжатаго пороха, употребленіе артилеріи болѣе тяжелой и болѣе разрушительной увеличили ужасы полей битвъ и обратили войну, и прежде грозную, въ еще бѣльшее бѣдствіе. Такое приращеніе разрушительныхъ средствъ навело филантроповъ на мысль опредѣлить время, когда война будетъ явленіемъ исключительнымъ, а миръ нормальнымъ состояніемъ цивилизаціи, болѣе дѣйствительной и болѣе гуманной. Какъ ни вѣроятными и основательными могли казаться такія надежды, но послѣ грустныхъ примѣровъ послѣднихъ войнъ съвероамериканской и датско-нѣмецкой (и имѣя въ виду недавнюю борьбу Австріи съ Пруссіею и Италіею), желаемая эра сердечнаго согласія и взаимной любви народовъ едва-ли не останется утопическою мечтою до тѣхъ поръ, пока страсти людей и антагонизмъ ихъ интересовъ будутъ тѣмъ же, чѣмъ они те-

перъ.“ „Отрадно, покрайней мѣрѣ—прибавляетъ авторъ—что съ увеличеніемъ, въ новѣйшихъ сраженіяхъ, случайностей смерти и ранъ, возрасли симпатіи общества, развилось просвѣщенное желаніе облегчить бѣдствія, неразлучныя съ войною. Открылось почти новое поприще для практическаго примѣненія христіанской любви.“ Первые тому примѣры поданы были, во время восточной войны, въ арміи союзниковъ миссъ Найтингель (Miss Florence Nightingale); у насъ, подъ покровительствомъ Великой Княгини Елены Павловны, возникла Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія для ухода за ранеными и больными воинскими чинами. О дѣятельности членовъ этой общины въ сердцахъ нашихъ воиновъ до сихъ поръ сохранились чувства искреннѣйшей признательности.

По заключеніи парижскаго мира, докторъ Ивенсъ, посѣтивъ значительную часть военныхъ госпиталей, съ грустію замѣтилъ рѣшительную невозможность устранить бѣдствія, причиненныя нерадѣніемъ. Въ 1859 году онъ осматривалъ поля битвъ въ Итали и военные госпитали въ Туринѣ, Миланѣ, Брешии, Кастиліоне, Дезенцано и изучалъ санитарные уставы союзныхъ армій. Во время этой кампаніи три сражавшіяся арміи потеряли убитыми и ранеными: 3 маршаловъ, 9 генераловъ, 1,566 штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и около 40,000 рядовыхъ. Такую же цифру надобно присоединить заболѣвшихъ, въ продолженіе двухъ послѣ кампаніи мѣсяцевъ, лихорадками, или умершихъ отъ военныхъ трудовъ. Жители Милана, Турина, Брешии соревновали въ облегченіи страданій столькихъ жертвъ. Въ уходѣ за больными и ранеными первую роль занимали сестры милосердія. „Незначительныя числомъ — говоритъ докторъ Ивенсъ — онѣ съумѣли замѣнить многихъ сидѣлокъ своею неутомимою дѣятельностію, трогательною кротостію и необыкновеннымъ усердіемъ. Ихъ умѣнье умѣрять самыя жестокия страданія словомъ, сказаннымъ кстати, ихъ тактъ приготовить страдальцевъ къ близкой кончинѣ представляли такое зрѣлище, котораго нельзя описать достойнымъ образомъ.“

Результаты своихъ наблюденій въ итальянскую кампанію докторъ Ивенсъ сообщилъ французскому правительству, которое воспользовалось ими при введеніи улучшеній по медицинской части въ своей арміи.

Учрежденіе санитарной комисіи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки авторъ считаетъ самымъ величественнымъ

проявленіемъ челоѣколюбія, какое когда-либо было исполнено и задумано. Подъ вліяніемъ этой комисіи все общество Соединенныхъ Штатовъ замѣнило свои обычныя занятія дѣлами милосердія для облегченія участи страждущихъ воиновъ. По примѣру американцевъ, и во время послѣдней датско-нѣмецкой войны составились подобные же частныя комитеты, оказавшіе большія услуги. Общество, образовавшееся въ Женевѣ, обратилось, 1-го сентября 1863 года, съ циркуляромъ къ разнымъ правительствамъ, къ извѣстнѣйшимъ филантропамъ и военнымъ людямъ съ просьбою о содѣйствіи и съ приглашеніемъ на международную конференцію, на которой предполагалось обсудить средства къ замѣнѣ недостатка санитарной службы при дѣйствующихъ въ полѣ арміяхъ.

Читателямъ „Военнаго Сборника“ уже извѣстно изъ особой статьи о международной женевской конференціи, что представители Россіи, Австріи, Пруссіи, нѣкоторыхъ второстепенныхъ германскихъ государствъ, Франціи, Англіи, Италіи, Голландіи, Швеціи и Швейцаріи составили планъ организациі общества и постановили, чтобы, во время войны, объявленъ былъ воюющими сторонами нейтралитетъ для подвижныхъ и постоянныхъ госпиталей, для личнаго состава этихъ госпиталей, для большіхъ служителей изъ волонтеровъ, для мѣстныхъ жителей, которые будутъ помогать раненымъ, и для самихъ раненыхъ. Извѣстно также, что мѣры, предложенныя женевскою международною комисіею, удостоились одобренія большей части европейскихъ государей и ихъ правительствъ. Король прусскій, въ особенности интересующійся этимъ дѣломъ, далъ практическое примѣненіе вопросу о нейтрализаціи, разрѣшивъ членамъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго основать большой госпиталь въ Альтонѣ для солдатъ, раненыхъ въ датской войнѣ. Подобныя госпитали учреждены были, вѣроятно, и въ нынѣшнюю войну съ Австріею.

Въ августѣ 1864 года конференція собралась вторично въ Женевѣ. Члены международнаго конгресса, одновременно открывшаго здѣсь свои засѣданія, были уполномочены обсуждать вопросы международнаго права, находящіеся въ связи съ санитарною реформою армій.

Въ шести главахъ своей брошюры, докторъ Ивенсъ представляетъ краткій историческій очеркъ санитарной комисіи и показываетъ результаты, достигнутые ею. „Довольно бросить раз-

умный взгляд—говорить онъ въ первой главѣ, имѣющей предметомъ гигиену армій—на отчеты военной статистики, для положительнаго доказательства, что гигиеническія условія солдатъ гораздо ниже такихъ же условій людей гражданскаго быта. Отношеніе умершихъ и больныхъ во всѣхъ арміяхъ не только въ военное, но и въ мирное время несравненно значительнѣе, нежели между лицами того же возраста въ другихъ званіяхъ. Это должно удивить тѣхъ, которые знаютъ, какъ дѣлается выборъ людей, назначаемыхъ въ военную службу. Всякое правительство беретъ цвѣтъ своего народонаселенія для пополненія имъ армій. Напримѣръ, за время съ 1832 по 1857 годъ явилось для поступленія въ англійскую армію больше 300,000 человекъ, а принято было только 97,000, т. е. 32%. Почти такой же процентъ непринятыхъ конскриптовъ видимъ и во французской арміи за время съ 1831 по 1843 годъ включительно. Въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ процентное содержаніе явившихся, но непринятыхъ въ военную службу еще значительнѣе, что, впрочемъ, зависитъ отъ другихъ причинъ: въ Америкѣ, въ мирное время, являются къ вербовкѣ только тѣ, которые не могутъ найти другихъ, болѣе выгодныхъ занятій. Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ заключить, что, въ моментъ набора, военные, въ физическомъ отношеніи, выше остальной части народонаселенія, и если бы условія санитарныя были одинаковы, то смертность и болѣзненность должны были бы быть одинаковы и въ арміи, и въ гражданскомъ населеніи. На дѣлѣ иначе. Чтобы поддержать на высшей степени жизненную силу арміи, недостаточно одного выбора людей, находящихся въ цвѣтущемъ возрастѣ и пользующихся хорошимъ здоровьемъ. Человѣческое тѣло — механизмъ не только удивительный, но и нѣжный: для его нормальнаго дѣйствія необходимо постоянное употребленіе приличныхъ средствъ, а для сохраненія его нужны разумныя и неусыпныя заботы. Тѣлу необходима въ изобиліи хорошая пища; кромѣ того чистый воздухъ, достаточная защита отъ холода, жара, сырости, смѣна умѣреннаго труда крѣпительнымъ отдыхомъ. Лишеніе одного обѣда, употребленіе въ пищу веществъ мало питательныхъ или неудобоваримыхъ, отсутствіе сна неизбѣжно причиняютъ соотвѣтственный тому недостатокъ въ силѣ человѣка, и, по свойству человѣческой природы, невозможно, чтобы подобныя случаи не отразились на внутреннемъ организмѣ.

Дѣйствіе законовъ природы непреложно; результаты ихъ дѣятельности зависятъ не отъ нашей воли, но отъ неизмѣнной необходимости. Котелъ паровой машины не больше требователенъ, чѣмъ человѣческое тѣло. Къ сожалѣнію, эти простыя истины часто забываются или вовсе теряются изъ виду. Уроки опыта мало приносятъ пользы человѣчеству. Не только въ военное, но и въ мирное время солдатъ находится въ гигиеническихъ условіяхъ ниже тѣхъ, въ которыхъ онъ жилъ до поступленія въ военную службу. Оттого смертность и болѣзненность между военнослужащими больше, нежели въ гражданскомъ народонаселеніи.“

„Не подлежитъ сомнѣнію—продолжаетъ авторъ—что когда государство въ опасности, когда идетъ вопросъ о самостоятельности народа, оно можетъ послать своихъ солдатъ на славное боевое поле: для патріота раны и смерть — награда, да онѣ и неизбѣжны при значительномъ числѣ отправленныхъ на войну. Но государство не имѣетъ права приносить жизнь солдатъ въ жертву нерадѣнію и дурной администраціи или подвергать ихъ здоровью опасностямъ болѣзней, мязмовъ, испорченнаго воздуха, плохой одежды и недостатка въ продовольствіи. Честны раны, полученныя подъ жерломъ орудій; но и самое живое воображеніе не въ состояніи представить доблестью кровавый поносъ, тифъ или холеру.“

Въ гражданскомъ быту смертность, для возраста отъ 20 до 40 лѣтъ, составляетъ 0,77 до 1,11% въ годъ; въ военномъ сословіи, какъ видно изъ статистическихъ отчетовъ Англіи, Россіи, Пруссіи и Американскихъ Штатовъ, съ 1829 по 1853 г., умирало на одного гражданина отъ 3 до 5 человѣкъ въ годъ, въ *мирное время*. Что же касается *военнаго времени*, то въ 1809 г. лордъ Веллингтонъ писалъ къ предсѣдателю британскаго кабинета, что, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, списокъ больныхъ заключаетъ въ себѣ десятую часть солдатъ. Въ крымскую войну, британское правительство отправило, съ 10-го апрѣля 1854 г. по 31-е іюня 1856 г., 82,901 солдата. Во все это время средняя численность англійской арміи не превышала 34,500 человѣкъ, и всѣ солдаты, участвовавшіе въ войнѣ, представили 218,952 случая поступленія въ госпиталь, въ томъ числѣ 11% вслѣдствіе полученныхъ ранъ, а 89% отъ болѣзней въ лагерѣ. Въ продолженіе почти того же періода умерло 16,010, т. е., среднимъ числомъ, около 23%. Причиною смертности было

крайне неудовлетворительное устройство госпиталей. Миссъ Найтингель рассказываетъ, что въ теченіе февраля 1855 г. смертность въ госпиталяхъ Скутари и Кулали простиралась до 46,7⁰/₁₀₀. Число умиравшихъ почти уравнивалось числомъ выздоравливавшихъ.

Во французской арміи, какъ видно изъ недавняго донесенія военного министра, маршала Рандона, смертность измѣняется смотря по продолжительности службы. Напримѣръ: смертность на 1,000 человекъ составляетъ 11,55 въ годъ для солдатъ, прослужившихъ меньше года, 13,38 для прослужившихъ отъ 1 до 3 лѣтъ; для находившихся въ военной службѣ отъ 3 до 5 лѣтъ смертность уменьшается до 9,30, а для прослужившихъ отъ 5 до 7 лѣтъ—до 7,40. Наименьшая смертность, т. е. 5,35, для солдатъ 7 — 14-лѣтняго срока службы. За время службы отъ 14 до 25 лѣтъ смертность составляетъ 7,11. Слѣдовательно, средняя смертность первыхъ 14 лѣтъ службы 7,78 на 1,000 человекъ. Общая смертность составляла во французской арміи въ 1862 г., какъ извѣстно мирномъ, 10,14 на 1,000: это уже значительное улучшеніе съ 1846 г., когда смертность доходила до 28 на такое же число солдатъ. Въ 1862 году изъ французской арміи поступили въ госпитали 106,000 солдатъ, въ лазареты 75,000, на квартирахъ пользовались 622,000 человекъ, всего 2,160 человекъ на 1,000. Общее число дней болѣзни на 820,367 больныхъ составляло 6,127,736 или 16,786 лѣтъ, среднимъ числомъ 7,47 дней на больного или 16 дней на человека средняго списочнаго состоянія.

По выводамъ г. Эллиота, члена санитарной комисіи, представившаго въ берлинскій международный статистическій комитетъ подробный отчетъ о состояніи здоровья въ различныхъ полкахъ сѣверо-американской арміи за 15 мѣсяцевъ (съ іюня 1861 г. по сентябрь 1862 г.), число больныхъ простиралось отъ 30,3 до 80,6 на 1,000 человекъ. Общая смертность на такое же число воинскихъ чиновъ составляла 72 случая; изъ нихъ 20 случаевъ приходилось на убитыхъ или умершихъ отъ ранъ и 52 случая на умершихъ отъ болѣзней. Отношеніе это ниже существовавшаго до сихъ поръ въ европейскихъ арміяхъ. Оно лишь въ семь разъ болѣе смертности гражданскаго населенія обоихъ материковъ. Надобно замѣтить, что между болѣзнями, свирѣпствующими въ европейскихъ и американскихъ

арміяхъ, большая часть относится къ такимъ, которыя легко можно предупредить разумною гигиеною.

Извѣстно, что правительство Соединенныхъ Штатовъ содержало до междоусобной войны малочисленную регулярную армію, около 20,000 человекъ, и не принимало мѣръ къ быстрому увеличенію состава ея въ случаѣ войны, да и жители большой республики не отличались воинственностію, исключая развѣ южанъ. Тѣмъ не менѣе, первая прокламація президента Линкольна, требовавшая поставки 75,000 волонтеровъ, принята была съ восторгомъ: отъ разныхъ состоятельныхъ лицъ послѣдовали предложенія сформировать и содержать на свой счетъ полки. Со всякимъ поѣздомъ доставлялись въ Вашингтонъ тысячи гражданъ, спѣшившихъ на защиту страны, которой грозила опасность. „Какъ и слѣдовало ожидать—говоритъ докторъ Ивенсъ—произошли суматоха и замѣшательство. Не было ни дисциплины, ни военной опытности. Войска, набранныя на скорую руку и организованныя какъ попало, отправлены были на поле битвы. Офицеры (милиціонные) столько же понимали свои обязанности, какъ и солдаты, ихъ выбравшіе; врачи не знали, гдѣ кому обратиться за лекарствами и инструментами. Медицинское вѣдомство (*bureau medical*) не могло ихъ удовлетворить, или нужно было ждать по недѣлямъ, пока удовлетворять ихъ требованія. Безпорядокъ былъ плачевный. Предвидя роковыя послѣдствія, нѣсколько частныхъ энергическихъ людей рѣшились дѣйствовать прямо отъ себя. По ихъ инициативѣ стали образовываться общества для снабженія войскъ необходимѣйшими принадлежностями, особенно по санитарной части.“

Первое собраніе, имѣвшее цѣлю дать надлежащее устройство такимъ обществамъ, состоялось въ апрѣлѣ 1861 г., въ благотворительной лечебницѣ для нью-йоркскихъ женщинъ. Собраніе, почти изъ ста дамъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ семействамъ, руководимое извѣстнѣйшими филантропами, опредѣлило основать центральное общество и назначить комитетъ для направленія къ одной цѣли всѣхъ частныхъ пожертвованій на пользу воиновъ, сражавшихся за цѣлость Союза.

Общество приступило прежде всего къ собранію свѣдѣній о нуждахъ арміи и съ этою цѣлю обратилось къ начальствующимъ лицамъ и управленіямъ, съ слѣдующими, между прочимъ, вопросами: могутъ ли принести пользу врачи-волонтеры, не нарушая военныхъ уставовъ и дисциплины? Какія дачи пищи

отпускаетъ правительство больнымъ и раненымъ? Нѣтъ ли недостатка, который бы могъ быть пополненъ добровольными приношеніями? Какія изъ необходимѣйшихъ врачебныхъ принадлежностей не доставлены еще медикамъ регулярной арміи? Сколько, по всей вѣроятности, солдатъ придется выставить въ теченіе войны? Какъ великъ процентъ болѣзней въ арміяхъ Соединенныхъ Штатовъ, независимо отъ климата и лагернаго расположенія и по примѣру мексиканской кампаніи 1846 г.? Нельзя ли уменьшить процентное содержаніе смертныхъ случаевъ и болѣзней улучшенною системою довольствія, постояннымъ наблюденіемъ за гигиеною войскъ, ихъ одеждою, обувью, снаряженіемъ? Какими практическими средствами можно убѣдить солдатъ обратить вниманіе на свое здоровье?

Важность удовлетворительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ была очевидна. Но главный поставщикъ арміи, подъ вліяніемъ корыстныхъ видовъ, отвѣчалъ, что правительство доставляетъ въ надлежащемъ количествѣ все, въ чемъ нуждаются или могли бы нуждаться солдаты, и потому трудъ, предпринятый частнымъ обществомъ, не принесъ бы ни малѣйшей пользы. Тогда центральное общество отправило, составленную изъ достойнѣйшихъ людей, депутацію въ Уашигтонъ для переговоровъ съ военнымъ министерствомъ и съ начальникомъ медицинскаго вѣдомства. Депутаты возмѣли здѣсь счастливую мысль учредить санитарную комисію съ постояннымъ управленіемъ и должностными лицами, обязанными имѣть пребываніе въ Уашигтонѣ. Комисія эта должна была дѣйствовать независимо отъ правительственной администраціи, слишкомъ занятой другими не менѣе важными отраслями управленія, и поставила себѣ задачею обращать вниманіе воинскихъ чиновъ, какъ опасно пренебрегать здоровьемъ, драгоцѣннымъ и для нихъ, и для народа, и какъ полезно исполнять условія гигиены. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, необходимо было предоставить членамъ санитарной комисіи нѣкоторую власть, подобно тому, какъ это было сдѣлано послѣ крымской войны во Франціи и Англіи. Но на первыхъ порахъ санитарной комисіи въ штатахъ Америки не дано было никакихъ особенныхъ правъ и власти; она имѣла лишь совѣщательный голосъ. Ей позволялось собирать свѣдѣнія, посѣщать лагеря, убѣждать единственно своимъ моральнымъ вліяніемъ и основательностію своихъ замѣчаній, принимать мѣры для благосостоянія войскъ. Кромѣ того, было постановлено

на всѣ мѣропріятія испросить предварительно согласіе главнаго медицинскаго вѣдомства. Къ счастію комисіи, начальникъ военно-медицинскаго управленія, докторъ Вудъ, вполне сочувствовалъ филантропическому обществу. По его ходатайству, комисія получила возможность поставить себя въ близкія отношенія съ медицинскимъ управленіемъ и содѣйствовать ему своими мнѣніями и совѣтами. Для свѣрѣпленія добраго согласія, санитарная комисія предложила, чтобы докторъ Вудъ и нѣкоторые извѣстнѣйшіе офицеры регулярной арміи назначены были членами ея. Къ сожалѣнію, новый генералъ-штабъ-докторъ арміи, нераздѣлявшій убѣжденій доктора Вуда, приготовилъ санитарной комисіи затрудненія при самомъ началѣ ея учрежденія.

13-го іюня 1861 г. президентъ Линкольнъ утвердилъ учрежденіе санитарной комисіи, и, въ то же время, были разсмотрѣны и одобрены подробности ея организаціи военнымъ секретаремъ (военнымъ министромъ). Извѣстный образъ мыслей двадцати-четырехъ членовъ комисіи служилъ ручательствомъ ея успѣховъ. Предсѣдателемъ и главнымъ исполнительнымъ агентомъ былъ избранъ Уильямъ Беллосъ, ученый богословъ; секретаремъ—Фредерикъ Олмстедъ, человѣкъ опытный, одаренный замѣчательнымъ организаціоннымъ талантомъ и весьма практическимъ умомъ. Къ членамъ изъ военнаго сословія принадлежали: начальникъ штаба генерала Скотта, главнокомандующаго арміею Соединенныхъ Штатовъ, чиновникъ медицинскаго управленія, начальникъ комисаріата и двое изъ служившихъ прежде по этому вѣдомству.

Въ приказѣ военнаго министерства новое учрежденіе получило названіе: „Санитарная комисія справокъ и совѣтовъ о гигиеническихъ интересахъ войскъ Соединенныхъ Штатовъ“ (A Sanitary Commission of inquiry and advice in respect of the Sanitary interests of the United states forces).

По смыслу приказа, комисія имѣла цѣлю: изслѣдовать военные уставы и обычаи, относящіеся до рекрутъ и солдатъ, находящихся на дѣйствительной службѣ; изучать санитарное состояніе волонтеровъ и средства поддерживать или возстановлять ихъ здоровье; обезпечивать благосостояніе войскъ и исправное исполненіе службы; наблюдать, чтобы было достаточное число поваровъ, больничныхъ служителей, подвижныхъ госпиталей и пр. Комисія получила дозволеніе обнародовать, съ утвержде-

нія военного секретаря, правила, какія она найдетъ нужными для собиранія разныхъ свѣдѣній; связь же съ военнымъ министерствомъ и съ медицинскимъ управленіемъ поддерживалась тѣмъ, что комісія представляла имъ отчетъ о результатахъ своихъ изслѣдованій и сообщала, отъ времени до времени, свои замѣчанія и заключенія.

По свойственнымъ большинству людей мелкой зависти и самолюбію, не могли установиться хорошія отношенія между санитарною комісіею и медицинскимъ начальствомъ. Погруженное въ рутинный бюрократизмъ, врачебное вѣдомство не могло, по словамъ доктора Ивенса, вникнуть въ нужды солдатъ-волонтеровъ, составлявшихъ большую часть арміи Соединенныхъ Штатовъ, такъ основательно, какъ санитарная комісія, члены которой вышли изъ народа и находились съ нимъ въ постоянномъ соприкосновеніи. Санитарная комісія испытывала разныя придирки и не получала надлежащаго содѣйствія; но, чтобы не терять времени въ бесполезныхъ взаимныхъ обвиненіяхъ и избѣгнуть всякаго недоразумѣнія, комісія начала дѣйствовать прямо отъ себя. Открывъ центральное бюро въ Уашигтонѣ, она избрала агентовъ и чиновниковъ. Предсѣдатель и секретарь немедленно отправились для осмотра войскъ, собиравшихся въ областяхъ, орошаемыхъ бассейномъ рѣкъ Огаіо и Миссисипи; другіе депутаты поѣхали къ отрядамъ, расположеннымъ на востокѣ. Еще до перваго сраженія при Буль-Ронѣ, они старались предупредить болѣзни основательнымъ изслѣдованіемъ санитарныхъ условій, въ которыя былъ поставленъ солдатъ. Посредствомъ брошюръ, члены санитарной комісії распространили въ каждомъ корпусѣ, въ каждой дивизіи, въ каждомъ полку нужныя наставленія относительно всего, что касалось гигиены. Спустя не болѣе трехъ недѣль послѣ учрежденія комісії, секретарь ея представилъ уже подробный рапортъ о гигиеническомъ состояніи арміи и о вѣроятныхъ нуждахъ волонтерныхъ полковъ. Въ отчетѣ онъ прежде всего выставилъ на видъ необходимость порядка, дисциплины и военного образованія, какъ самаго дѣйствительнаго средства развитія благосостоянія и физическія качества солдата. Секретарь старался далѣе доказать, что здоровье, нравственная и физическая сила сражающихся зависятъ, въ значительной степени, отъ постоянного присутствія, отъ личной бдительности и неоспоримой власти офицеровъ, и что важнѣйшіе проступки по лагерной полиціи

слѣдуетъ приписать ослабленію дисциплины и нерадѣнію офицеровъ.

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего учрежденія, въ то время, когда военныя силы сѣверныхъ штатовъ были еще относительно невелики, комисія содѣйствовала перевозкѣ не менѣе 6,000 раненыхъ съ поля сраженія или изъ госпиталей въ отдаленныя области, гдѣ жили родные раненыхъ. Событія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ въ первые мѣсяцы страшной борьбы, только увеличили энергію и дѣятельность комисіи. Множество волонтеровъ прибывали въ Вашингтонъ усталые и голодные, и съ нетерпѣніемъ ожидали отпуска раціоновъ и отвода квартиръ или дальнѣйшаго отправления. Имѣя это въ виду, комисія учредила здѣсь пріютъ подъ названіемъ „солдатскій отдыхъ“ (Soldiers' rest); а вслѣдъ затѣмъ такіе же пріюты явились въ западныхъ областяхъ. Довѣріе публики и арміи къ дѣйствительной пользѣ, приносимой комисіею, было таково, что въ декабрѣ 1861 г. больше 400 бланковъ были наполнены требуемыми свѣдѣніями и доставлены въ центральное бюро, гдѣ секретарь составилъ по нимъ полный очеркъ гигиеническаго состоянія арміи, съ указаніемъ на причины болѣзней въ разныхъ частяхъ войскъ. Такимъ образомъ, правительство могло само видѣть, что именно слѣдовало предпринять для уничтоженія зла.

Комисія не ограничилась собраніемъ свѣдѣній по вышеозначеннымъ вопросамъ. Такъ какъ потребность въ предметахъ одежды увеличилась, то въ ноябрѣ 1861 г. она предоставила въ распоряженіе инспекторовъ пожертвованные публикою изъ склада въ Вашингтонѣ 34,500 штукъ госпитальной одежды. Изъ складовъ въ Клевелендѣ было такой же одежды принято 69,000 штукъ, изъ которыхъ 57,000 отправлены на разные пункты, занимаемые арміею въ долину Миссисипи. При всемъ томъ, комисія не могла получить дружественнаго содѣйствія со стороны медицинскаго управленія, и какъ причину тому было нерасположеніе главнаго хирурга (генераль-штаб-доктора) арміи, то, по настоянію комисіи, внесенъ былъ билль объ уничтоженіи принципа старшинства и объ избраніи, по представленію всего сословія военныхъ медиковъ, кандидата, наиболѣе способнаго занимать столь важную должность. Избранъ былъ сначала докторъ Гаммондъ, потомъ докторъ Барнсъ, человекъ весьма способный и энергическій. Въ немъ филантропическое

общество нашло достойнѣйшаго и симпатичнѣйшаго сотрудника.

Въ концѣ третьей главы, докторъ Ивенсъ подробно описываетъ продажу разныхъ пожертвованій въ пользу капитала санитарной комисіи, устроенную въ октябрѣ 1863 г. филантропическимъ обществомъ Чикаго. Завѣдываніе продажей поручено было дамамъ. Впослѣдствіи и въ другихъ городахъ явились такія же продажи.

Приступая къ рассмотрѣнію въ четвертой главѣ плана дѣйствій филантропическаго общества, авторъ говоритъ: „Тайны успѣховъ комисіи слѣдуетъ искать не въ одномъ энтузіазмѣ ея приверженцевъ, но особенно въ систематическомъ дѣйствіи ея агентовъ, въ ихъ точности и послѣдовательности. По своимъ вспомогательнымъ средствамъ, санитарная комисіа какъ будто вездѣ присутствовала, вездѣ давала чувствовать свою дѣятельность, среди опасностей поля битвы, среди сценъ менѣ шумныхъ, но болѣе грустныхъ—въ госпиталяхъ. Въ минуту встрѣчи съ непріателемъ, военные начальники не осмѣливались выдвинуть слишкомъ впередъ свои подвижные госпитали изъ опасенія, чтобы они недостались въ руки непріателя. Санитарная же комисіа не боялась ставить свои фургоны и свою аптеку въ самой боевой линіи, зная, что народъ, столь щедрый на пожертвованія, не задумается рискнуть этою потерею, чтобы обезпечить болѣе скорое пособіе солдатамъ, оставшимся на полѣ сраженія. Не разъ армія была счастлива тѣмъ, что могла воспользоваться такимъ содѣйствіемъ; не разъ офиціальныя подвижныя госпитали, находившіеся далеко отъ мѣста дѣйствій, прибывали гораздо позже того, какъ агенты комисіи уже приняли мѣры облегчить страданія раненыхъ и умирающихъ“. Систематическій порядокъ былъ введенъ во всѣхъ дѣйствіяхъ національнаго общества. Инструкціи, данныя агентамъ, согласовались вполне съ тѣми, которыя служили руководствомъ въ рядахъ арміи; агентамъ было поставлено въ первую обязанность дѣйствовать по соглашенію съ военными медиками. Безъ ихъ разрѣшенія ничего не отпускали. Строго смотрѣли за соблюденіемъ госпитальной дисциплины и не дозволяли отступленія отъ правилъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Иначе, санитарная комисіа потеряла бы всякій кредитъ въ военномъ секретаріатѣ (министерствѣ) и у врачей дѣйствующей арміи. Больничные служители назначались также по соглашенію съ медицинскими

властями и притомъ съ большимъ разборомъ. Къ концу войны были опредѣлены для ухода за больными 200 опытныхъ женщинъ и 2,000 мужчинъ.

Чтобы дѣйствія американской санитарной комисіи могли послужить въ пользу подобнымъ учрежденіямъ въ другихъ государствахъ, докторъ Ивенсъ изложилъ подробно ея организацію и самые способы дѣйствія.

Занятія санитарной комисіи распределены были между четырьмя отдѣленіями ея управленія.

1) Въ отдѣленіи *личнаго состава* сосредоточивались всѣ распоряженія относительно усилій комисіи убѣдить военное ведомство дѣлать болѣе строгій осмотръ рекрутъ. Волонтеры являлись тысячами, и осматривавшіе ихъ врачи, не имѣя опытности, принимали множество слабосильныхъ, которые и не замедлили поступить въ госпитали. Комисія скоро открыла этотъ обильный источникъ болѣзней въ арміи и немедленно озабочилась о противодѣйствіи ему. Разосланы были подробныя инструкціи ревизіоннымъ совѣтамъ относительно физическихъ качествъ, требуемыхъ отъ каждаго конскрипта. Мѣра эта оказала благотворное вліяніе при организаціи новыхъ полковъ: уровень нравственный и физическій послѣдующихъ наборовъ значительно превосходитъ таковой же предъидущихъ.

2) Отдѣленіе *инженерскаго предупрежденія*. Опыты американской санитарной комисіи привели къ тѣмъ же заключеніямъ, къ которымъ пришелъ въ Англіи комитетъ, учрежденный для преобразованія медицинской части британской арміи. Оказалось, что уставы о содержаніи войскъ вовсе не заботились о сохраненіи здоровья солдатъ, а думали только объ излеченіи болѣзней; вновь подтвердилась истина, что во время войны люди гибнутъ не столько отъ сраженій, сколько отъ болѣзней. „Вѣрная исторія всѣхъ войнъ—говоритъ миссъ Найтингель—была бы исторіею болѣзней, смертныхъ случаевъ и страданій, которыя легко можно было бы предупредить.“ Потому-то члены санитарной комисіи стремились облегчить страданія больныхъ и раненыхъ на столько, на сколько то дозволяли военныя обстоятельства.

Собственно предупредительную часть составляли: санитарные инспекторы (20 медиковъ), бюро статистическое, гигиеническое, жизненности и смертности, составленіе и изданіе практическихъ руководствъ по различнымъ предметамъ военной ги-

гієны, медицины и хирургіи. Санитарнымъ инспекторамъ вмінено въ обязанность соблюдать существующія постановленія и потому обращаться къ подчиненнымъ черезъ старшихъ, и только съ разрѣшенія послѣднихъ. Инспекторы должны быть убѣждены, что дисциплина въ арміи—первое ручательство гігієны; они должны сами уважать военную ієрархію и заставлять другихъ уважать ее. По прибытіи въ полкъ, санитарные инспекторы обращаются къ дежурному офицеру, просятъ представить ихъ полковому командиру, которому вручаютъ свои вѣрительныя бумаги, стараются приобрѣсти его довѣріє и объясняютъ ему виды комисіи. Съ ротными командирами инспекторы обязывались познакомиться лично, завязать дружественныя съ ними отношенія и такимъ путемъ убѣждать ихъ къ принятію подаваемыхъ совѣтовъ. Съ полковыми врачами агенты санитарной комисіи должны были поставить себя въ отношенія товарищества и соревнованія и, въ случаѣ надобности, напоминать имъ, что они лично отвѣчаютъ за тѣ дурныя гігієническія условія, противъ которыхъ не протестовали настойчиво.

Сборникъ гігієническихъ инструкцій составилъ цѣлый томъ, раздѣленный на 32 главы. Расположеніє лагерей, дренажъ, вентиляція, окуриваніє, приготовленіє пищи, одежды и т. д.—все нашло въ немъ мѣсто. Санитарнымъ инспекторамъ вмінялось въ обязанность рекомендовать начальникамъ частей тѣ улучшенія, которыя они признавали умѣстными, и, въ случаѣ постоянного пренебреженія необходимыхъ предосторожностей, инспекторъ могъ письменно обратиться къ начальнику части, конечно въ такихъ выраженіяхъ, которыя не могли бы показаться неприятными или оскорбительными. По истеченіи восьми дней, копія съ письма и отвѣта, если онъ былъ полученъ, сообщались въ центральное медицинское вѣдомство въ Вашингтонѣ.

Назначеніє статистическаго отдѣленія санитарной комисіи можно, по словамъ доктора Ивенса, лучше всего охарактеризовать приведеніємъ нѣкоторыхъ вопросовъ, разрѣшенныхъ санитарнымъ инспекторомъ. Напримѣръ: достаточнаго ли количества раціоны? Хорошаго ли они качества? Въ противномъ случаѣ, чѣмъ они дурны? Сколько разъ въ недѣлю отпускаютъ свѣжее мясо, свѣжую зелень, сушеную зелень? Помѣщается ли полковой госпиталь въ домѣ, или въ палаткѣ, или во временной постройкѣ? Устроена ли въ немъ вентиляція, какъ онъ отоп-

*

ляется и чисто ли содержится? Какія, по послѣднему отчету, болѣзни и какая смертность? Общее состояніе здоровья полка улучшается ли, или ухудшается?

Получивъ отвѣты на эти и подобные вопросы, комисія могла, опираясь на неоспоримыхъ статистическихъ данныхъ, настаивать у правительства о введеніи улучшеній. Между прочимъ, она обратила вниманіе страны и администраціи на пагубныя послѣдствія скорбута, свирѣпствовавшаго въ западныхъ арміяхъ. На воззванія о пожертвованіяхъ, поселане присылали во множествѣ лукъ, сушеные овощи, картофель. Доказано, что присылка, по стараніямъ комисіи, свѣжей зелени въ кумберлендскій отрядъ и въ войска, осаждавшія Вискбургъ, имѣла большое вліяніе на результатъ этихъ замѣчательныхъ кампаній. Комисіи удалось доставить въ армію генерала Гранта, осаждавшую Вискбургъ и съ трудомъ пріобрѣтавшую припасы въ непріятельской странѣ, 2,200 гектолитровъ ⁽¹⁾ картофеля, 8,000 килограммовъ ⁽²⁾ сухихъ плодовъ, 13,000 лимоновъ, огромное количество сушеной зелени и другихъ противуцынготныхъ припасовъ. Такія же мѣры предосторожности приняты были весною 1862 года и въ войскахъ, расположенныхъ вдоль Миссисипи. Всѣ правительственные госпитали въ Уашигтонѣ снабжались зимою 1863 и въ теченіе 1864 года зеленью, высланною изъ Нью-Йорка и Филадельфіи, въ особенныхъ, нарочно для того построенныхъ, прохлаждающихъ вагонахъ. Въ нихъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ 1863 года, комисія отправила слишкомъ 1,030 тоннъ ⁽³⁾ свѣжей провизіи, стоимостію въ 700,000 франковъ.

Доказательствомъ усердія ученыхъ медиковъ, предложившихъ свое безвозмездное содѣйствіе санитарной комисіи составленіемъ медицинскихъ монографій и распространеніемъ ихъ между врачами арміи, можетъ служить перечень изданныхъ, до 1865 года, девятнадцати медицинскихъ монографій, которыя перечислены въ брошюрѣ доктора Ивенса.

3) *Госпитали*. Комисары комисіи обратили, съ самаго начала, вниманіе на постройку госпиталей. Комисія высказала мнѣніе, чтобы, вмѣсто найма старыхъ зданій, обращаемыхъ въ госпитали, построить по одному образцу достаточное чи-

⁽¹⁾ Гектолитръ 1,383 = четверика.

⁽²⁾ Килограмъ = 2,442 русскихъ фунта.

⁽³⁾ Тонна = 2481,1 русскаго фунта.

сло больничныхъ газармъ, изъ строеваго лѣса, на 30 — 60 кроватей, провести въ нихъ воду для ваннъ, стирки бѣлья и ватерклозетовъ, приспособить вентиляціонные аппараты и достаточное на зиму отопленіе и самыя постройки расположить на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы не заразить воздуха. Предложенія эти были приняты правительствомъ. Давая понятіе объ обширной госпитальной организаціи, покрывшей своею сѣтью Сѣвероамериканскіе Штаты, авторъ приводитъ синоптическую таблицу состоянія госпиталей въ августъ 1864 года. Изъ этой таблицы видно, что на театрѣ войны находилось 214 госпиталей, на 133,800 кроватей, изъ которыхъ 97,751 были заняты.

Устройство госпиталей объясняется приложенными къ брошюрѣ чертежами. Оно вездѣ одно и то же. Главнѣйшія различія состоятъ лишь въ относительномъ расположеніи частей строеній. Во всѣхъ госпиталяхъ осуществлена первоначальная идея: строить для каждаго помѣщенія отдѣльное зданіе, павильонъ, въ одинъ этажъ, не болѣе какъ на 60 кроватей. Въ извѣстномъ разстояніи, для безпрепятственнаго движенія и для надлежащей вентиляціи, находятся разнообразныя госпитальныя пристройки, напримѣръ: канцеляріи, столовыя, кухни, прачешныя, склады вещей, помѣщенія для больничной прислуги, часовни, сараи для труповъ, зала для хирургическихъ операцій, конюшни. Всѣ эти строенія соединяются между собою крытыми ходами и имѣютъ досчатые полы. Планъ и расположеніе домовъ различны, смотря по свойству и очертанію мѣстности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ павильоны расположены въ двѣ линіи, сходящіяся въ одну точку въ видѣ буквы V; въ другихъ въ видѣ круга или эллипса. Столовая больныхъ, на двѣ трети числа кроватей, занимаетъ строеніе въ формѣ паралелограмма, имѣющее вентиляцію сверху. Соединенная съ нимъ кухня состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей: въ большей готовится пища обыкновенная, въ меньшей добавочныя порціи. Прачешная въ два яруса; верхній назначается для жилья прачекъ. Крыша плоская, съ сѣтью веревокъ для развѣшиванья бѣлья. Снабженіе водою обезпечивается, гдѣ возможно, паровою машиною, наполняющею, посредствомъ насосовъ, обширный резервуаръ. Машина помѣщается между кухнею и прачешною для того, чтобы содѣйствовать варкѣ пищи и приводить въ движеніе различныя снаряды для стирки и катанья бѣлья. Раз-

мѣры госпитальныхъ палатъ рассчитаны такъ, чтобы на каждомъ больного приходилось не меньше 27 кубическихъ метровъ (*) воздуха. Вентиляція производится лѣтомъ помощію подвижной крыши, а зимою трубами четырехъ нечей, нагревающихъ палату. Расходы на постройку нѣкоторыхъ госпиталей велики. Напримѣръ, госпиталь, построенный въ западной части штата Филадельфіи на 3,124 кровати, въ которомъ было 52 медика и 464 человекъ служащихъ, стоилъ около милліона франковъ. Учрежденіе общаго госпиталя въ городѣ Филадельфіи на 3,320 больныхъ, занимающаго 50,100 квадратныхъ метровъ, съ 622 служащими, обошлось слишкомъ въ 1,250,000 франковъ.

Какъ объ особенностяхъ американскаго характера слѣдуетъ упомянуть, что при тѣхъ госпиталяхъ, гдѣ есть библіотеки, издаются даже газеты, наполняемыя статьями госпитальныхъ жителей.

По заключеніямъ знаменитыхъ врачей, госпитали—главнѣйшія причины смертности въ арміяхъ. Это мнѣніе подтверждается смертностію въ госпиталяхъ скутарійскомъ и кулалійскомъ, гдѣ, какъ выше упомянуто, въ первые мѣсяцы кампаніи умирало 46,7⁰/₀, а послѣ гигиенической реформы 1,1⁰/₀. То же случилось и въ арміи Соединенныхъ Штатовъ: изъ уніонистскихъ плѣнныхъ, поступившихъ въ госпитали въ Ричмондѣ, и въ госпиталяхъ Мэрилэнда у сѣверянъ умирало отъ дурнаго состоянія госпиталей больше 50⁰/₀; но послѣ произведенныхъ улучшеній госпитали сѣверянъ сравнялись съ лучшими учрежденіями этого рода на всемъ земномъ шарѣ.

4) *Отдѣленіе пособій*. Сюда относились различныя агентства, учрежденныя для оказанія пособія тѣмъ волонтерамъ, которые отправлялись въ первый разъ въ армію или слѣдовали изъ оной въ отпускъ или въ отставку, а также для оказанія пособія и распредѣленія припасовъ солдатамъ, находившимся на службѣ или въ госпиталяхъ дивизіонныхъ и полковыхъ. Пособія оказывались спеціальныя и общія. Они вполнѣ зависѣли отъ санитарной комисіи и распредѣлялись ея инспекторами. Цѣль ихъ — сбереженіе жизни и здоровья солдатъ. Къ пособіямъ спеціальнымъ относились: отпускъ больнымъ вновь прибывшихъ полковъ такихъ лекарствъ и такой пищи, какихъ, по обстоятельствамъ,

(*) Метръ = 3,281 русскаго фунта.

врачи не могли доставить имъ; отводъ квартиры, снабженіе продовольствіемъ и разными предметами тѣхъ солдатъ, которые, получивъ отпускъ для поправленія здоровья, часто вынуждены были ожидать по цѣлымъ днямъ выдачи бумагъ и жалованья; ходатайство за солдатъ, которые по болѣзни не могли явиться лично въ канцелярію главнаго казначея; снабженіе отпускныхъ или уволенныхъ отъ службы нижнихъ чиновъ билетами по уменьшенной цѣнѣ, и даже даровыхъ, для возврата на родину по желѣзнымъ дорогамъ или на пароходахъ; наблюденіе, чтобы солдаты безъ надобности не оставались въ городахъ, откуда должны были отправиться; доставленіе подлежащимъ властямъ свѣдѣній о людяхъ, укрывавшихся отъ службы, и о дезертирахъ.

Госпитальное агентство имѣло назначеніемъ доставлять родственникамъ и друзьямъ свѣдѣнія о воинскихъ чинахъ, поступившихъ въ госпитали, такъ какъ, по обширности театра военныхъ дѣйствій и при частыхъ перемѣнахъ мѣсть расположенія войскъ, неизбѣжно встрѣчались затрудненія въ частной корреспонденціи.

Въ пріютахъ солдаты, по уважительнымъ причинамъ не находившіеся при своихъ частяхъ, получали довольствіе и квартиру въ теченіе не болѣе трехъ дней.

Въ списки объ умершихъ и похороненныхъ вносились: имя убитаго или умершаго солдата, время поступления его въ военную службу, имена его родственниковъ, его раны, обстоятельства его послѣдней болѣзни, послѣдняя воля и мѣсто погребенія.

Служба пособій обществъ или обыкновенныхъ. Послѣ воззваній санитарной комисіи, разосланныхъ, при письмѣ главнаго директора почтъ, въ числѣ 80,000 экземпляровъ, о томъ, что правительство желаетъ содѣйствія американскихъ женщинъ дѣлу Союза, вся страна, въ нѣсколько недѣль, покрылась сѣтью вспомогательныхъ обществъ, вошедшихъ въ связь между собою и съ большими центральными комитетами въ Нью-Йоркѣ, Бостонѣ, Филадельфіи, Вашингтонѣ и въ другихъ городахъ. Изъ отчета главнаго секретаря Ольмстеда за осенніе мѣсяцы 1861 г., видно, что эти общества доставили около 100,000 вещей.

Въ принятіи и распредѣленіи пожертвованій соблюдалась въ высшей степени практическая система. Въ Вашингтонѣ, въ Луисвилѣ и въ Нью-Йоркѣ санитарная комисія основала цен-

тральные склады, гдѣ собраны были всѣ предметы, приобретенные покупкою или стараніями вспомогательныхъ обществъ. По разсортировкѣ, укладкѣ и приготовленіи вещей къ нагрузкѣ, онѣ, по первому заявленію, передавались въ распоряженіе госпиталей, для отправки туда, куда требовали передвиженія и нужды разныхъ частей арміи. Каковы бы ни были нужды больныхъ, раненыхъ, и гдѣ бы они ни находились, первою обязанностію инспекторовъ было — удовлетворить ихъ. Для скорѣйшей отправки, учреждено было, при каждой дивизіи и почти при каждомъ отрядѣ, подвижно-распорядительное отдѣленіе. Несмотря на такую сложную работу, комисія соблюдала въ системѣ распределеній строгую отчетность: самая дешевая вещь, хотя бы въ пять франковъ, сопровождалась квитанціей, подписанной врачомъ или его помощникомъ и скрѣпленной инспекторомъ санитарной комисіи. Всѣ мѣры клонились къ тому, чтобы пожертвованія народа употреблялись съ возможно-большею пользою и чтобы болѣе нуждающіеся были надѣляемы и болѣе щедро. Всякій начальникъ части подвергался отвѣтственности, если не обращался къ правительству съ требованіемъ необходимыхъ предметовъ. Такъ какъ правила объ отпускѣ разныхъ предметовъ довольствія въ войскахъ, изданныя для мирнаго времени, не соответствовали непредвидѣннымъ военнымъ обстоятельствамъ и обычный административный порядокъ нарушался, то санитарная комисія спѣшила устранить затрудненія и предъявляла солдату своими пособіями доказательства заботливости правительства. Съ этою цѣлію ея многочисленныя агентства слѣдовали за войсками съ мѣста на мѣсто, въ лагерѣ, на бивуакѣ, въ маршѣ, на полѣ битвы.

По теоріи, правительство обязано имѣть заготовленными всѣ предметы, въ которыхъ могла бы встрѣтиться надобность при столкновеніяхъ двухъ воюющихъ сторонъ. Но извѣстно изъ описаній всѣхъ большихъ сраженій, что, при концѣ ихъ, необходимо, для скорѣйшаго поданія помощи раненымъ, такое число людей и госпитальныхъ вещей, какого ни одно правительство не могло до сихъ поръ заготовить въ дѣйствительно необходимыхъ размѣрахъ. Въ подобныя минуты, какъ бы военные медики ни были усердны и неутомимы, трудно обойтись безъ частной помощи. Въ сраженіи при Сольферино, рассказываетъ очевидецъ (Дюнанъ, вынѣшній членъ женеvской международной комисіи), „не было недостатка въ водѣ и продоволь-

ственныхъ припасахъ, а, между тѣмъ, раненные умирали отъ голоду и жажды; корпіи было въ изобиліи, но доставало рукъ для наложенія ея на раны⁴. Американская санитарная комисія, учрежденіемъ своей системы транспортовъ, имѣла возможность направлять госпитальныя вещи и разные припасы на тѣ пункты, гдѣ предвидѣлись столкновенія. Для оцѣнки дѣятельности санитарной комисіи, докторъ Ивенсъ приводитъ факты изъ главнѣйшихъ сраженій сѣверо-американской войны.

Во время сраженія при Антиетемѣ, изъ уашигтонскаго и изъ другихъ складовъ, извѣщенныхъ по телеграфу, отправлено было на поле битвы, съ ускоренными поѣздами по желѣзной дорогѣ, больше 30,000 штукъ одежды, нѣсколько тоннъ продовольственныхъ припасовъ, большое количество жрѣпительныхъ напитковъ и проч. Лѣтомъ 1863 г., во время дѣйствій подъ Геттисбургомъ, транспортъ санитарной комисіи пришелъ въ тотъ самый моментъ, когда всѣ припасы были почти израсходованы. Водка, бульонъ, губка, хлороформъ, бинты, корпія, немедленно переданные изъ этого транспорта, спасли, безъ сомнѣнія, жизнь многимъ несчастнымъ. Въ теченіе четырехъ недѣль, послѣ сраженія при названномъ городѣ, доставлено было въ войска на 400,000 франковъ бѣлья и свѣтныхъ припасовъ.

Самою характеристическою чертою санитарной комисіи была ея способность примѣняться къ обстоятельствамъ. По огромности театра военныхъ дѣйствій и его особенностямъ, междусобная война въ Сѣверной Америкѣ безпримѣрна въ лѣтописяхъ исторіи. На громадномъ пространствѣ, занятомъ воюющими сторонами, почти не было другихъ путей сообщенія, кромѣ водяныхъ и по желѣзнымъ дорогамъ. 50,000 километровъ (*) судоходныхъ рѣкъ и 60,000 километровъ желѣзныхъ дорогъ доставили стратегіи возможность разрѣшить двѣ новыя задачи, о которыхъ прежде и не думали. По огромной сѣти желѣзныхъ путей, по побережью Атлантическаго океана, по громаднымъ рѣкамъ, каковы: Миссисипи, Миссури, Огаіо, Кумберлендъ и Тенесси, перевезены были чрезвычайныя массы войскъ и военнаго матеріала. Члены санитарной комисіи не потерялись и въ этомъ трудномъ положеніи: они снарядили для госпитальной части флотилію, изъ двухъ большихъ пароходовъ, для рейсовъ по Атлантическому океану, изъ шести прибрежныхъ парохо-

(*) Километръ — почти верста.

довъ и двухъ пловучихъ лазаретовъ. На рѣкахъ западныхъ штатовъ они выставили флотилію изъ восьми пароходовъ для перевозки припасовъ и для доставленія больнымъ и раненымъ удобствъ госпитальнаго помѣщенія. На этихъ рѣчныхъ пароходахъ санитарные агенты проникали во внутрь непріятельской страны и до самыхъ отдаленныхъ мѣстъ расположенія войскъ Союза. Удачно придуманная система пловучихъ госпиталей была введена не только по извилистому теченію Миссисипи, Кумберленда, Тенесси и ихъ многочисленныхъ притоковъ, но суда комисіи оказали меньшую услугу и на восточномъ морскомъ берегу, въ бухтахъ и внутреннихъ заливахъ Атлантическаго океана, спасая жизнь людей и содѣйствуя гигиенѣ арміи. Исторія кампаніи генерала Магъ-Клелана на полуостровѣ между рѣками Джемсъ и Йоркъ представляетъ убѣдительное доказательство въ пользу героическихъ усилій комисіи. Союзныя войска, принужденныя прокладывать себѣ путь къ центру непріятельскихъ силъ въ окрестностяхъ Ричмонда, рядомъ сраженій и осадъ, состояли изъ 130,000 человекъ. Болотистая мѣстность, по которой они наступали, была исполнена смертоносныхъ міазмовъ. Работая всякій день въ траншеяхъ, гдѣ свирѣпствовала лихорадка, истощенные, сверхъ человеческихъ силъ, безпрерывными стычками, храбрыя сѣверянскія войска преодолевали необычныя трудности. Большое число солдатъ раненыхъ и больныхъ непрерывно отсылались на сѣверъ по рѣкамъ Йорку, Джемсу и Памунки и на всѣхъ пунктахъ встрѣчали добрыя услуги агентовъ санитарной комисіи, что засвидѣтельствовано многими отзывами извѣстнѣйшихъ врачей, занимавшихъ высшія медицинскія должности въ союзной арміи. Главнѣйшія военныя дѣйствія сѣверо-американской войны находились, какъ извѣстно, въ зависимости отъ направленія линій желѣзныхъ дорогъ и судоходныхъ рѣкъ. Морскіе и рѣчные пароходы и пловучіе госпитали удовлетворяли условіямъ перевозки водою; но требованія службы и расположенія нѣкоторыхъ корпусовъ вынуждали отправлять раненыхъ на сѣверъ по желѣзнымъ дорогамъ. Тряска и качка обыкновенныхъ вагоновъ причиняли раненымъ мучительныя страданія, и потому одинъ изъ членовъ санитарной комисіи придумалъ модель вагона, который, посредствомъ механическихъ приспособленій, облегчалъ перевозку раненыхъ. Двѣнадцать такихъ вагоновъ содержали постоянное сообщеніе между арміею и госпиталями. Вагонъ, представлявшій въ

маломъ видѣ лазаретъ, снабженъ былъ всѣми удобствами и приспособленіями, встрѣчаемыми въ благоустроенныхъ постоянныхъ госпиталяхъ. Кровати-носки, снимавшіяся не тревожа больнаго, привѣшены были по стѣнамъ вагона на каучуковыхъ ремняхъ, чѣмъ устранялось сотрясеніе. Достаточная вентиляция, умѣренный свѣтъ, возможность для больнаго сидѣть самымъ удобнымъ образомъ на кровати или на креслахъ, запасы теплой одежды, съѣстные припасы, чай, кофе, лекарства — все было къ услугамъ страдальцевъ. Агенты комисіи, врачи, смотрители за больными, сидѣлки могли переговариваться между собою посредствомъ проведенныхъ слуховыхъ трубъ. Въ кухнѣ была устроена замысловатая плита; вода всегда имѣлась въ запасъ; водосточная труба дѣйствовала исправно. Изъ 20,472 больныхъ и раненыхъ, перевезенныхъ въ такихъ вагонахъ, умеръ дорогою только одинъ, да и тотъ, желая кончить жизнь между родными, былъ отправленъ въ безнадежномъ состояніи.

О гигиеническихъ условіяхъ союзной арміи приведены въ пятой главѣ брошюры доктора Ивенса данныя изъ отчетовъ генералъ штабъ-доктора, начальника медицинскаго управленія въ военномъ министерствѣ. Первый отчетъ обнимаетъ годовою періодъ съ 1-го іюля 1861 г. по 1-е іюля 1862 г., то время, къ концу котораго только начали правильно дѣйствовать агентства санитарной комисіи. Общая смертность въ арміяхъ сѣверныхъ штатовъ, въ теченіе перваго года войны, простиралась до 676 на 10,000 средней числительности, въ томъ числѣ 504 смертныхъ случая отъ болѣзней, а 172 отъ ранъ. Въ мексиканскую войну 1846 г. смертность составляла 1,038 на 10,000 человекъ. Во время войнъ Наполеона I въ Испаніи смертность отъ болѣзней доходила до 1,650, а въ крымскую войну у союзниковъ до 2,320. Слѣдовательно, смертность отъ болѣзней хотя и была весьма значительна въ сѣверо-американскую войну, однако ниже смертности въ мексиканскую и крымскую войны.

Для удобнѣйшаго сравненія, докторъ Удвардъ раздѣлилъ сѣверо-американскія арміи на группы, сообразно географическому положенію областей, которыя онѣ занимали. Первая группа состояла изъ войскъ, дѣйствовавшихъ на берегу Атлантическаго океана, между моремъ и цѣпью Аналахскихъ горъ. Годовая смертность отъ болѣзней составляла здѣсь 334 на 10,000 человекъ средней числительности. Во вторую группу вошли войска,

дѣйствовавшія въ большомъ центральномъ бассейнѣ между хребтами Аппалачскихъ и Каменныхъ горъ и расположенныя на постахъ Канзаса, Новой Мексики и сѣверо-западныхъ штатовъ. Годовая смертность отъ болѣзней въ этой наносной, и потому весьма нездоровой, полосѣ составляла 821,9 на 10,000. Къ третьей группѣ принадлежали войска, расположенныя на склонахъ Тихаго океана, между моремъ и Каменными горами. Смертность отъ болѣзней составляла здѣсь лишь 107,6 на 10,000, т. е. втрое меньше, нежели въ первой, и почти въ восемь разъ меньше, нежели во второй полосѣ. Хотя свѣдѣнія о заболѣвавшихъ въ теченіе перваго года войны и неполны, однако они достаточны для доказательства, что въ послѣдніе мѣсяцы перваго года войны замѣтно было улучшеніе, правда, медленное, но постоянное, гигиеническихъ условій американской арміи. Объявлять подробно объ этомъ, равно и о состояніи здоровья войскъ въ слѣдующіе годы, было неудобно: непріятель могъ бы знать численность разныхъ частей уніонистской арміи.

Въ концѣ пятой главы, докторъ Ивенсъ дѣлаетъ краткій перечень огромнаго количества пожертвованій, доставленныхъ американскимъ народомъ въ центральные и вспомогательные склады санитарной комисіи. По оцѣнкѣ, сдѣланной газетою „New-York-Herald“ въ началѣ 1862 г., суммы, пожертвованныя патриотами добровольно, безъ всякаго внушенія со стороны правительства, для снаряженія полковъ и перевозки ихъ на поле битвы, простирались къ концу 1864 г. до милліарда франковъ. Неудивительно, что народъ, дававшій съ такою щедростію средства на своихъ защитниковъ, не колебался ни минуты поддерживать ихъ. Отчетъ, законченный 1-мъ октября 1864 г., показывалъ, что цѣнность различныхъ вещей, пожертвованныхъ американскими дамами, простиралась покрайней мѣрѣ до 46,000,000 франковъ. Надобно присоединить еще приношенія деньгами: они составляли 18,330,000 франковъ и были собраны преимущественно на большихъ распродажахъ и выставкахъ, которымъ примѣръ подалъ городъ Чикаго. Отъ подобной распродажи пожертвованныхъ вещей выручили, напримѣръ, въ Нью-Йоркѣ, въ апрѣлѣ 1864 г., 7,000,000, а въ Филадельфіи, въ іюнѣ того же года, около 6,000,000 франковъ. Отъ американцевъ, проживающихъ въ Европѣ, доставлено агентствомъ санитарной комисіи въ Парижѣ 239,000, а изъ Лондона 160,000 франковъ.

Въ заключительной, шестой главѣ авторъ говоритъ, что при обсужденіи дѣйствій официально-поставленныхъ лицъ имъ руководило желаніе служить истинѣ и облегчить въ другихъ странахъ санитарную реформу. Указывая откровенно на затрудненія, сопровождавшія новое учрежденіе, описывая, съ какимъ благоразуміемъ и предусмотрительностію всѣ препятствія были устранены или преодолены, докторъ Ивенсъ надѣялся предохранить подобныя учрежденія въ другихъ государствахъ отъ такихъ же неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Развитие и полнѣйшій успѣхъ этого колоссальнаго предпріятія, посредствомъ котораго распредѣлено пособіе на 60 милліоновъ франковъ, есть продуктъ народнаго характера и національныхъ учреждений Сѣверной Америки. Эти почти невѣроятныя суммы, отданныя въ руки частныхъ людей, эти милліоны вещей, изготовленныхъ американскими дамами, посвятившими себя всецѣло облегченію участи защитниковъ Союза, свидѣтельствуютъ о томъ благородномъ духѣ индивидуализма, который поставилъ Соединенные Американскіе Штаты на степень одной изъ первыхъ націй міра по народному образованію, по общепользнымъ учрежденіямъ, по всему, на чемъ зиждется истинная слава страны. Личной инициативѣ, чувству самоувѣренности, ненуждающемуся въ содѣйствіи посторонней власти для осуществленія громадныхъ плановъ, слѣдуетъ приписать и чрезвычайное развитие круга дѣятельности санитарной комисіи. Обстоятельства ей благопріятствовали, ибо всякій желалъ посвятить свое время и свои средства осуществленію великаго человеколюбиваго учрежденія. Тысячи частныхъ людей, предложившихъ свои услуги, радостно были приняты и поставлены подъ вѣдѣніе опытныхъ должностныхъ лицъ, число которыхъ не превосходило двухсотъ и которыя сами находились подъ контролемъ исполнительнаго совѣта.

Съ такимъ, повидимому, незначительнымъ личнымъ составомъ совершены великія дѣла, прославившія санитарную комисію. Стало быть, для руководства подобнаго рода учрежденіемъ нѣтъ надобности въ многочисленномъ управленіи. При разумной администраціи, нѣсколько просвѣщенныхъ людей, одушевленныхъ искреннею любовію къ дѣлу, могутъ исполнить то, что на первый взглядъ кажется невѣроятнымъ. Это доказала американская санитарная комисія: она распредѣляла свои

средства между друзьями и врагами, лежавшими рядомъ на одрѣ страданій.

Женевскою международною комисіей установлены, какъ извѣстно, начала, которыми большая часть европейскихъ правительствъ согласилась руководствоваться для облегченія участи раненыхъ воинскихъ чиновъ. Правительства бельгійское и баденское заключили между собою даже особую конвенцію, въ которой по статьямъ опредѣленъ нейтралитетъ для служащихъ при госпиталяхъ, для госпитального имущества и для жителей, ухаживающихъ за ранеными. Къ конвенціи приступили еще въ 1864 году Швейцарія, Франція, Данія, Голландія, Испанія, Россія, Италія, а теперь приступили, вѣроятно, и всѣ прочія европейскія государства. Постановленія этой конвенціи вводятъ въ международное право то справедливое и человѣческое начало, что, во время войны, летучіе и постоянные госпитали и весь личный составъ ихъ объявляются и признаются нейтральными.

Интересно прослѣдить, какъ идея уменьшить ужасы битвъ во всѣ времена занимала друзей человѣчества и какъ она развивалась постепенно вмѣстѣ съ ходомъ цивилизаціи. По словамъ Ксенофонта, Киръ Младшій отличался заботливостію о благосостояніи солдатъ и старался ослабить бѣдствія войны. Флавій Вопискъ (историкъ IV-го вѣка) рассказываетъ, что императоръ Аврелій приказомъ вмѣнилъ солдатамъ въ обязанность оказывать пособіе больнымъ и раненымъ неприятельской арміи. Въ девятомъ столѣтіи, византійскій императоръ Левъ VI предлагалъ своимъ военачальникамъ образовать особый отрядъ *деспотатовъ*, чиновъ, обязанныхъ уходомъ за ранеными. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, во время крестовыхъ походовъ, знаменитый султанъ Саллахъ-Эддинъ (Саладинъ) обнародовалъ уставъ, основанный почти на тѣхъ же началахъ, на которыхъ опирается женевскій договоръ. Онъ дозволилъ рыцарямъ св. Іоанна доставлять пособіе крестоносцамъ въ г. Іерусалимѣ, отнятомъ имъ у христіанъ. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, королева Изабелла Католическая приказала поставить передъ осажденною Гренадою шесть обширныхъ шатровъ съ кроватями, въ которыхъ врачи должны были пользоваться больныхъ и раненыхъ. Не раньше однако временъ французскаго короля Генриха IV, т. е. въ исходѣ шестнадцатаго вѣка, была организована, нѣкоторымъ образомъ, правильная санитарная служба при войскахъ, какъ можно догадываться, весьма

несовершенная. Въ войну за наслѣдство австрійскаго престола, въ 1743 году былъ заключенъ въ Ашафенбургѣ договоръ о покровительствѣ госпиталямъ и раненымъ. Въ семилѣтнюю войну Лудовикъ XV и Фридрихъ II предоставили право нейтралитета всему сословію медиковъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ не брать въ плѣнъ. Въ кампанію 1800 года, генералъ Моро и дѣйствовавшій противъ него австрійскій генералъ Край условились, чтобъ раненые вѣранныхъ имъ войскъ, къ какой бы ни принадлежали національности, были подбираемы и пользуемы, а по выздоровленіи отсылаемы къ арміи, къ которой принадлежали. Въ итальянскую кампанію 1859 года, императоръ Наполеонъ III установилъ, чтобы всѣ раненые, взятые въ плѣнъ, были безъ обмѣна возвращаемы непріятелю, лишь только состояніе ихъ здоровья дозволитъ имъ возвратиться въ отечество.

Въ такомъ же духѣ дѣйствовали представители Франціи на жевевскомъ международномъ конгресѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что договоръ, заключенный въ этомъ городѣ, рано или поздно будетъ подписанъ всѣми государствами и высказанныя въ немъ начала усвоены всѣми націями. Но чтобы это новое начало международнаго права получило дѣйствительное значеніе и прочность, народы должны дружественно содѣйствовать видамъ своихъ правительствъ. Лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли слѣдуетъ признать образованіе ассоціаций изъ волонтеровъ для ухода за больными. Члены такихъ челоуѣколюбивыхъ обществъ должны быть готовы въ военное время дѣлать денежные взносы и вообще оказывать услуги, которыхъ нельзя требовать отъ служащихъ медиковъ. Къ подобнаго рода учрежденіямъ принадлежитъ въ Пруссіи общество членовъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Они вносятъ опредѣленную сумму для пользованія больныхъ даже въ мирное время, а въ военное, увеличивая свои пожертвованія, учреждаютъ и содержатъ на свои средства, безъ всякаго содѣйствія правительства, летучіе и постоянные госпитали. Благотворительныя дѣйствія этого челоуѣколюбиваго учрежденія, основаннаго еще въ эпоху крестовыхъ походовъ, оказали большія услуги страждущимъ воинамъ въ нѣмецко-датскую войну и, безъ сомнѣнія, были полезны и въ настоящую войну Пруссіи съ Австріей. Изъ газетъ извѣстно, что уходъ за больными и ранеными воинами предоставленъ былъ въ Пруссіи ассоціациямъ частныхъ лицъ; приглашены были врачи всѣхъ національностей; народъ дѣлалъ

самыя щедрія пожертвованія въ пользу своей побѣдоносной арміи.

На послѣднихъ страницахъ брошюры, докторъ Ивенсъ описываетъ вкратцѣ устройство санитарной части у южанъ. Они выказали немалую, чѣмъ сѣверяне, готовность къ пожертвованіямъ въ пользу своей арміи, и особенно для больныхъ и раненыхъ воиновъ. Инициатива и здѣсь принадлежала женщинамъ, которыя, какъ и на сѣверѣ, принимали самое дѣятельное участіе въ проявленіяхъ патріотическаго чувства. Однако устройство санитарной части у южанъ далеко уступало организаціи ея въ сѣверныхъ штатахъ.

А. АДЛЕРЪ.